РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

СУДЕБНЫЙ ПРИГОВОРЪ

ПО ДѢЛУ ОБУХОВЦЕВЪ

Съ предисловіемъ

Н. Рязанова.

ИЗДАНІЕ ГРУППЫ „БОРЬБА"
ЖЕНЕВА
1902

ПО ПОВОДУ ОБУХОВСКИХЪ БЕЗПОРЯДКОВЪ

Въ концѣ сентября 1901 г. состоялся судъ надъ обуховцами. 37 человѣкъ обвинены были въ томъ, что „7 мая 1901 г. въ селѣ Александровскомъ, Шлиссельбургскаго участка города Петербурга, по предварительному между собою уговору и совокупно съ другими, слѣдствіемъ не обнаруженными лицами, они послѣ произведеннаго на Обуховскомъ сталелитейномъ заводѣ безпорядка, собравшись толпою на Шлиссельбургскомъ проспектѣ, встрѣтили явившихся для водворенія спокойствія чиновъ полиціи и воинской команды крикомъ и бранью, и, оказавъ явное противодѣйствіе предъявленному къ нимъ требованію разойтись и прекратить буйство, а также сопротивленіе задержанію виновныхъ въ этихъ безпорядкахъ, совокупными силами произвели открытое нападеніе на вооруженные отряды полиціи и воинской команды, камнями оттѣснили таковыхъ въ переулокъ къ Обуховскому заводу, а затѣмъ производили выстрѣлы и бросали въ нихъ булыжниками до тѣхъ поръ, пока не были разсѣяны залпами подоспѣвшей на мѣсто морской команды". „Милостивый судъ" оправдалъ 8 человѣкъ. Изъ остальныхъ 39 приговорены: Анатолій Ивановичъ Гавриловъ на 6 лѣтъ каторги, Анатолій Ивановичъ Ермаковъ на 5 лѣтъ каторги, 1 на 5 лѣтъ и 1 на 4 года арестантскихъ ротъ, 13 человѣкъ на 3 года и 12 человѣкъ на $1^1/_2$ года тюрьмы (въ томъ числѣ Марфа Яковлева на 3 года, а Лидія Бурчевская на $1^1/_2$ года).

Трудно судить, кто изъ осужденныхъ и въ какой мѣрѣ „виновенъ". Самодержавное правительство въ такихъ случаяхъ выхватываетъ изъ толпы первыхъ попавшихся подъ руку и старается наказать ихъ такъ, чтобы другимъ „неповадно было". На этотъ разъ правительство особенно постаралось. Спрятавшись отъ взоровъ всего свѣта за „закры-

тыми дверями", оно разыграло самую позорную комедію правосудія. Достаточно самымъ поверхностнымъ образомъ пересмотрѣть списокъ свидѣтелей, чтобы видѣть, что правительство руководилось чѣмъ угодно, но только не интересами правосудія. Все это — разныя лица, состоящія на службѣ завода, полицейскіе чины, агенты полиціи, жандармы и т. д., и т. д. Съ такими свидѣтельскими показаніями можно осудить и совершенно безвиннаго человѣка. Что правительство боялось бросить на это дѣло малѣйшій хотя бы свѣтъ, видно и изъ того, что оно упорно скрываетъ причины, вызвавшія эти безпорядки. По словамъ обвинительнаго акта выходитъ, что рабочіе ни съ того, ни съ сего вдругъ собрались и начали „творить безпорядки", ни съ того, ни съ сего они вдругъ потребовали принять обратно на работы 26 человѣкъ. Обвинительный актъ въ этомъ случаѣ лжетъ самымъ гнуснымъ образомъ. Мы не будемъ подробно разсказывать о всѣхъ событіяхъ, происходившихъ въ маѣ на Обуховскомъ заводѣ. Дѣло въ томъ, что многія сотни рабочихъ хотѣли отпраздновать 1 мая, всемірный праздникъ рабочаго класса, и не явились на работы. Взбѣшенное начальство сначала хотѣло было уволить всѣхъ этихъ рабочихъ, но не будучи въ состояніи сдѣлать это, ограничилось увольненіемъ нѣсколькихъ десятковъ изъ нихъ. Остальные были глубоко возмущены такимъ поступкомъ администраціи и потребовали принятія товарищей обратно на работу. Къ этому требованію они присоединили и другія. Отвѣтомъ послужилъ вызовъ полиціи и войскъ. Рабочихъ попросили расходиться и—„честью просили". Но среди рабочихъ было много такихъ, которые еще не забыли, какую бойню устроило правительство на Казанской площади 4 марта, когда беззащитныхъ студентовъ и студентокъ тоже „просили честью" разойтись. Среди нихъ были и люди, желавшіе принять участіе въ неудавшейся манифестаціи 22 апрѣля, которую собирались устроить рабочіе. Долго накипавшее чувство, наконецъ, прорвалось, и въ отвѣтъ на грубое поведеніе городовыхъ не послѣдовала обычная сцена отступленія и бѣгства людей, принужденныхъ въ сознаніи своего безсилія сдержать негодованіе. Въ толпѣ проснулось сознаніе своего достоинства, и она отвѣтила дружнымъ отпоромъ. Рабочіе дрались, какъ львы. Вооруженные одними камнями, они

нѣсколько разъ отбивали нападенія полиціи и жандармовъ, но должны были уступить, когда на подмогу явились войска. Тогда началась полицейская оргія.

Тяжело читать о дикихъ сценахъ насилія надъ безоружными людьми. Невольно вспоминаются трупы убитыхъ, павшихъ жертвою, быть можетъ, простой случайности (до сихъ поръ не удалось точно узнать число убитыхъ). Но трудно не поддаться тому чувству радости и гордости, которое охватываетъ, когда знакомишься съ этой геройской борьбой рабочихъ противъ грубаго произвола и насилія.

Лѣтъ двадцать и больше тому назадъ вся Россія, привыкшая къ покорному исполненію приказаній властей предержащихъ, съ изумленіемъ узнала, что среди россіянъ нашлись люди, которые безтрепетно идутъ на смерть, которые не хотятъ жизни, купленной цѣлымъ рядомъ униженій. Одно вооруженное сопротивленіе слѣдовало за другимъ. Одна героическая схватка съ правительствомъ смѣнялась другой. Трусливое общество, а вмѣстѣ съ нимъ и одинъ изъ лучшихъ нашихъ писателей (Тургеневъ *) могли объяснить поведеніе этихъ героевъ только тѣмъ, что они — „отчаянные“. Но эти „отчаянные“, эти „соколы“ были единичными личностями. То была маленькая кучка, которая скоро погибла въ борьбѣ, не встрѣтивъ поддержки со стороны народныхъ массъ.

Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Соціалъ-демократическая пропаганда внесла свѣтъ сознанія въ рабочія массы. Изъ людей, покорно несшихъ свой крестъ, она дѣлала сознательныхъ борцовъ. Много еще нужно сдѣлать въ этомъ направленіи. Но и теперь мы можемъ сказать, что не даромъ пропала эта работа. Рабочіе, въ свою очередь, становятся „отчаянными“, и, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ, „общество“ и теперь стояло растерявшись, при видѣ этой кучки львовъ, чуть не съ голыми руками осмѣлившихся вступить въ бой съ вооруженной силой. Это не жалкія мечтанія о свободѣ, никогда не переходящія въ дѣло, это — борьба не на жизнь, а на смерть. „Намъ нужна свобода“, — этимъ крикомъ, въ которомъ такъ просто и ясно выражено ближайшее насущное требованіе рабочаго класса,

*) Смотри его повѣсть «Отчаянный».

а вмѣстѣ съ этимъ и требованіе всего русскаго народа, отвѣтили новые „отчаянные“ на приглашеніе разойтись по домамъ. Русское правительство впервые встрѣтилось лицомъ къ лицу съ тѣмъ врагомъ, которому суждено нанести этому чудовищу послѣдній ударъ. Ему стоило не малаго труда справиться съ кучкой „отчаянныхъ“ 70-хъ годовъ, но ему никогда не справиться съ „отчаянными“, разъ этими „отчаянными“ становятся рабочіе. „Имъ нечего терять, кромѣ своихъ цѣпей, а завоевать они могутъ весь міръ“.

И тутъ на первомъ мѣстѣ, въ первыхъ рядахъ, находились люди, которые, какъ говоритъ обвинительный актъ о Ермаковѣ, „и ранѣе часто высказывали, что добиваются политической свободы и восьми-часоваго рабочаго дня“, т. е. соціалъ-демократы. Послѣдніе все больше и больше пріобрѣтаютъ вліяніе въ рабочихъ массахъ — вотъ одинъ выводъ, который напрашивается самъ собою, несмотря на всѣ усилія обвинительнаго акта и судебнаго слѣдствія скрыть дѣйствительныя причины обуховскихъ волненій. А старается онъ ихъ скрыть потому, что, въ противномъ случаѣ, правительство должно было бы признать, что соціалъ-демократическая пропаганда дѣлаетъ большіе успѣхи, что она пустила прочные корни даже среди рабочихъ казенныхъ заводовъ, что эти безпорядки не были стихійнымъ взрывомъ безсознательной массы и что крестьяне, покорно подчиняющіеся гнету, превратились въ рабочихъ, геройски сражающихся за политическую свободу и восьми-часовый рабочій день.

Но въ этихъ „безпорядкахъ“ проглядываетъ и другая черта, которая не менѣе сильно поражаетъ при нѣкоторомъ знакомствѣ съ процессомъ обуховцевъ. Даже обвинительный актъ, который при всякомъ случаѣ старается бросить комъ грязи въ обвиняемыхъ рабочихъ, говоритъ объ этомъ съ чисто евангельской простотой: „По показанію дворниковъ карточной фабрики, работницы означенной фабрики Марфа Яковлева и Лидія Бурчевская выбирали изъ мостовой булыжники и въ подолахъ платья подавали ихъ бросавшимъ въ чиновъ полиціи лицамъ, причемъ Яковлева говорила: „мы стоимъ за братьевъ“. Всѣ извѣстія, которыя мы имѣемъ, въ одинъ голосъ указываютъ на стойкое и храброе поведеніе работницъ.

„Отчаянные“ 70-хъ годовъ въ своей борьбѣ съ абсолютизмомъ нашли вѣрныхъ товарищей въ женщинахъ, не уступавшихъ имъ ни въ готовности на жертвы, ни въ преданности дѣлу, ни въ умѣніи выносить страданія и муки долгихъ лѣтъ каторги. Имена Софьи Бардиной, Софьи Перовской, Вѣры Фигнеръ и многихъ другихъ свято чтутся русскими революціонерами. Примѣръ женщинъ, принимавшихъ такое горячее участіе въ борьбѣ своихъ товарищей работниковъ, даетъ намъ право надѣяться, что въ своей борьбѣ со всѣмъ существующимъ строемъ и рабочіе найдутъ въ работницахъ такихъ же вѣрныхъ товарищей, какъ и революціонеры 70-хъ годовъ.

Но обуховскіе безпорядки даютъ намъ возможность сдѣлать еще и третій выводъ. Оффиціальный отчетъ о безпорядкахъ говоритъ только о трехъ залпахъ. Но всѣ показанія свидѣтелей опровергаютъ эту оффиціальную ложь. Очевидцы говорятъ, что было не меньше 8 залповъ (отъ 8 до 12). Чѣмъ же объяснить относительно ничтожное число убитыхъ? Слѣдующія слова одного городового даютъ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ: „Надо креста на шеѣ не имѣть, чтобы стрѣлять въ своего брата. Только скоты какъ слѣдуетъ стрѣляли“. Большинство солдатъ стрѣляло нарочно выше головъ или въ сторону, въ стѣны завода.

Для царскаго правительства это зловѣщее предзнаменованіе! Мы много слышали отъ людей, въ которыхъ давно уже потухло всякое революціонное чувство, что время революцій уже прошло, что современное развитіе военной техники дѣлаетъ невозможной борьбу рабочихъ съ правительствомъ. Но эти господа забываютъ, что при всѣхъ намъ извѣстныхъ революціяхъ рѣшающее значеніе имѣла не матеріальная побѣда революціонеровъ надъ войскомъ. Несравненно болѣе важное значеніе имѣетъ нравственная побѣда. „Во всѣхъ случаяхъ, говоритъ Энгельсъ, побѣда достигалась либо потому, что войско отказывалось стрѣлять, либо потому, что его предводители не рѣшались отдать такой приказъ, или не могли сдѣлать этого. Слѣдовательно, даже въ классическое время уличной борьбы баррикада гораздо больше дѣйствовала морально, чѣмъ матеріально. Она была средствомъ поколебать рѣшимость военной силы. Если она выдерживала

до тѣхъ поръ, пока эта рѣшимость изчезала, побѣда была одержана, если нѣтъ—дѣло кончалось пораженіемъ".

Ни передъ ничѣмъ не останавливается русское правительство, чтобы сдѣлать изъ арміи покорное орудіе своихъ приказаній. Суровая жестокая дисциплина, безчеловѣчныя наказанія за малѣйшее проявленіе ослушанія, пять лѣтъ жизни, проведенныхъ въ казармѣ, куда почти не проникаютъ извѣстія изъ внѣшняго міра, пять лѣтъ полнаго отчужденія отъ интересовъ близкихъ людей — способны превратить самаго мягкаго человѣка въ звѣря, готоваго по первому приказанію „пли!" стрѣлять въ своихъ же братьевъ Но послѣдніе годы пробили брешь и тутъ. Съ увеличеніемъ городского населенія, съ ростомъ числа городскихъ рабочихъ увеличивается ихъ численность и въ составѣ арміи. Въ солдаты все чаще и чаще попадаютъ молодые рабочіе, затронутые уже пропагандой. Все чаще протестуютъ солдаты противъ безчеловѣчнаго обращенія. Мы находимъ указаніе на это все въ томъ же обвинительномъ актѣ. Тотъ самый Анатолій Гавриловъ, который приговоренъ теперь судомъ къ 6 годамъ каторги, „ранѣе сего судился пять разъ экипажнымъ и военно-морскими судами за неисправимо буйное поведеніе, промотаніе казенныхъ вещей*) и оскорбленіе своего непосредственнаго начальства и отбывалъ наказаніе въ дисциплинарномъ батальонѣ". Уходящіе въ солдаты рабочіе все чаще и настойчивѣе просятъ своихъ товарищей присылать имъ нелегальныя книжки.

Чѣмъ сильнѣе будетъ расти соціалъ-демократическая пропаганда, тѣмъ скорѣе будутъ расти точки соприкосновенія, тѣмъ тѣснѣе будутъ связи между рабочимъ въ мундирѣ и рабочимъ въ блузѣ. Отъ стрѣльбы поверхъ головъ до отказа стрѣлять — шагъ не очень далекъ. Русская армія такъ же мало самобытна, какъ и вся Россія. Никакая дисциплина не искоренитъ „духъ непокорства и строптивости", разъ онъ проснулся въ рабочемъ классѣ. Не одинъ рабочій соціалъ-демократъ, ставшій солдатомъ, еще вернется, какъ Анатолій Гавриловъ, чтобы руководить уличной борьбой. И все больше будетъ расти число солдатъ, которые предпо-

*) Кто знаетъ порядки въ нашихъ войскахъ, того не смутятъ эти слова.

чтутъ стрѣлять поверхъ головъ или при энергичномъ натискѣ рабочихъ перестанутъ стрѣлять и побратаются съ народомъ.

Равнодушіе крестьянства къ политическому гнету, вѣра его въ „батюшку-царя“ — съ одной стороны и армія — съ другой—до сихъ поръ являлись главными опорами русскаго абсолютизма. Но крестьянинъ все больше уходитъ въ городъ и превращается тамъ въ рабочаго, а затѣмъ и соціалъ-демократа, а въ арміи, несмотря на жестокую дисциплину, просыпается „духъ непокорства“ и сочувствіе къ своимъ же братьямъ рабочимъ*). Обуховскіе безпорядки и обвинительный актъ громко говорятъ объ этомъ. И только тѣмъ, что и наше правительство хорошо поняло это, можно объяснить неслыханно жестокій приговоръ. Вмѣстѣ съ петербургскими товарищами мы скажемъ осужденнымъ: „Пусть же на каторгѣ, суровой и холодной, и въ душной тюрьмѣ вамъ свѣтитъ и грѣетъ васъ надежда, что цѣною своихъ страданій вы приблизили день освобожденія всего рабочаго класса!“ *)

---

*) Матросовъ, которые стрѣляли въ рабочихъ, администрація три недѣли не пускала на заводъ. А когда они пришли, рабочіе ихъ обступили съ негодующими криками: — Зачѣмъ же вы, сволочи, стрѣляли въ насъ? Перевѣшать васъ за это всѣхъ слѣдуетъ! Вѣдь когда вернетесь со службы, самимъ также придется работать. — Братцы, посудите сами, что же намъ было дѣлать? Не стрѣлять — насъ бы самихъ разстрѣляли. Вы бы бросились на насъ, мы бы побросали ружья и сдались бы вамъ. Да и то, развѣ мы въ васъ стрѣляли? Всѣ разы цѣлили вверхъ, черезъ голову, а ужъ это васъ жандармы, продажныя душонки, такъ угощали. — Дѣйствительно, въ сосѣднемъ каменномъ домѣ, рядомъ съ Жаховской портерной, желѣзная крыша была совершенно изорвана и приподнята вверхъ отъ ружейныхъ пуль. («Обуховцы», стр. 15. Женева, 1901).

**) Приводимъ текстъ резолюціи, принятой международной конференціей соціалистовъ: «Международное соціалистическое бюро клеймитъ ненавистный русскій деспотизмъ, который снова запятналъ себя кровью тѣмъ, что 7-го мая 1901 г., во время демонстраціи, стоявшей въ тѣсной связи съ праздникомъ 1-го Мая, приказалъ стрѣлять въ рабочихъ Обуховскаго завода, и затѣмъ въ сентябрѣ 1901 г. помощью своего гнуснаго правосудія осудилъ на каторгу и въ тюрьму 29 человѣкъ, произвольно выхваченныхъ изъ среды демонстрировавшихъ рабочихъ. Бюро шлетъ героямъ-борцамъ рабочимъ свой братскій привѣтъ и подтверждаетъ вновь самыя горячія симпатіи всего международнаго соціализма къ борьбѣ за освобожденіе, которую они ведутъ противъ царизма, этого врага соціализма и демократіи».

* * *

Уже изъ обвинительнаго акта и списка свидѣтелей ясно видно было, что судъ былъ лишь комедіей. Теперь мы имѣемъ оффиціальное доказательство это. о.

Разсмотримъ сначала, какъ судъ устанавливалъ личности руководившихъ скопищемъ и принимавшихъ въ немъ участіе. Константинъ Стефанъ, Иванъ Соловьевъ, Александръ Александровъ, Захаръ Анисимовъ, Павелъ Константиновъ, Дмитрій Ситниковъ, Михаилъ Федоровъ, Дмитрій Кокушкинъ, Дмитрій Вересовъ, Николай Чирковъ, Евдокимъ Трушинъ, Виталій Соколовъ, Александръ Щербаковъ, Александръ Тарасовъ, Александръ Богдановъ, Семенъ Машистовъ, Михаилъ Кирилловъ—всѣ они «изобличаются» показаніями околодочныхъ надзирателей Максимова и въ особенности Чугунова. Показанія другихъ свидѣтелей въ пользу подсудимыхъ отвергаются, либо какъ не доказывающія невиновности (sic!), либо какъ не заслуживающія, по мнѣнію Особаго Присутствія, довѣрія. Спрашивается, чѣмъ же руководилось Особое Присутствіе, довѣряя показаніямъ однихъ свидѣтелей, не довѣряя показаніямъ другихъ? Почему при установленіи виновности Емельянова Особое Присутствіе, не подвергавшее прежде никакому сомнѣнію достовѣрность показаній Чугунова, считаетъ нужнымъ упомянуть его ссылку «на то, что ему вообще трудно было запомнить всѣхъ участвовавшихъ тогда въ безпорядкахъ лицъ»? Почему свидѣтели Щипаревъ и Чугуновъ, такъ безошибочно указавшіе всѣхъ выше названныхъ, «легко могли ошибиться въ признаніи подсудимаго Николаева»? Почему Особое Присутствіе при опредѣленіи виновности Саженникова приводитъ показаніе свидѣтеля Чугунова, заявившаго однако же на судѣ, что ему «трудно припомнить всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ безпорядкахъ 7 мая 1901 года»? Почему при опредѣленіи виновности Чиркова Особое Присутствіе признаетъ возможной ошибку со стороны свидѣтелей Максимова и Чугунова? Почему?... Да просто потому, что судъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи заранѣе составленный списокъ лицъ, которыхъ слѣдовало во что бы то ни стало обвинить. Изъ приговора ясно видно, что судъ не имѣлъ никакихъ юридическихъ доказательствъ виновности почти всѣхъ подсудимыхъ, что почти

всѣ они произвольно были выхвачены изъ среды демонстрантовъ. Списокъ главарей былъ доставленъ полиціей. Одинъ изъ свидѣтелей, надзиратель Лисневичъ, проболтался на судѣ, что Ивановъ прислалъ имъ «списокъ главарей», противъ которыхъ они должны были показывать. До чего произвольно этотъ списокъ былъ составленъ и до чего лживы были показанія полицейскихъ и заводскихъ свидѣтелей, видно изъ того факта, что въ спискѣ главарей значился Емельяновъ, оправданный судомъ за полнымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было уликъ, кромѣ, конечно, показанія того же вездѣсущаго Чугунова. Калининъ признанъ виновнымъ единственно на основаніи показанія подполковника Иванова, удостовѣрившаго на судѣ, что онъ „съ увѣренностью признаетъ подсудимаго Калинина, котораго хорошо помнитъ вслѣдствіе его дерзкаго, задирчиваго поведенія еще въ началѣ безпорядковъ, во дворѣ Обуховскаго завода; по словамъ свидѣтеля, именно Калининъ выступилъ изъ толпы, подбоченясь и сказавъ „такъ я скажу“ —сталъ излагать какъ ему, свидѣтелю, такъ и начальнику завода Власьеву требованія толпы о повышеніи заработной платы, о восьмичасовой работѣ и проч., при чемъ велъ себя непозволительно дерзко“. Показаніе Чугунова, въ данномъ случаѣ даже не подкрѣпленное показаніемъ другого такого же всевидящаго надзирателя Максимова, достойно довѣрія не больше, чѣмъ всѣ остальныя его показанія. Такимъ образомъ Калининъ осужденъ только за то, что взялъ на себя смѣлость формулировать требованія рабочихъ начальнику завода, генералу Власьеву, поручившемуся, что выборные рабочіе не будутъ арестованы.

Какъ торопливо составлялся обвинительный актъ, какъ лживъ былъ матеріалъ, собранный предварительнымъ слѣдствіемъ, видно изъ того, что цѣлый рядъ обвиненій, и очень важныхъ, былъ опровергнутъ даже той пародіей на судебное слѣдствіе, которая была разыграна Особымъ Присутствіемъ. „По обвинительному акту, всѣмъ подсудимымъ продъявлено было на основаніи данныхъ, добытыхъ на предварительномъ слѣдствіи, обвиненіе въ участіи ихъ въ вышеописанномъ преступномъ событіи по предварительному соглашенію. Между тѣмъ судебное слѣдствіе не только не

дало въ этомъ отношеніи никакихъ указаній, но и вполнѣ такое предварительное соглашеніе опровергло".

Несмотря на всѣ усилія „праведныхъ судей" и прокурора, пришлось отказаться и отъ другого обвиненія. „Равнымъ образомъ нельзя признать на судебномъ слѣдствіи доказаннымъ, что во время того же насильственнаго противодѣйствія вооруженнымъ отрядамъ полиціи и воинской командѣ, призваннымъ для разсѣянія образовавшагося 7 мая 1901 года скопища были бы произведены въ полицію и команду выстрѣлы изъ огнестрѣльнаго оружія". Оказывается, что свидѣтели (все городовые) приняли „выстрѣлы, произведенные городовыми, по приказанію полковника Палибина, за выстрѣлы изъ толпы рабочихъ". На судѣ было установлено, что полиція стрѣляла прямо въ упоръ въ толпу, находившуюся за рѣшетчатыми заборами. Особое Присутствіе должно было придти „къ тому заключенію, что выстрѣловъ изъ огнестрѣльнаго оружія въ вооруженные отряды полиціи и воинскую команду со стороны рабочихъ произведено не было".

Такимъ образомъ пало два наиболѣе тяжкихъ обвиненія, давшія поводъ приговору подвести подсудимыхъ подъ 263*) и 266 ст. Улож. о наказ. Но даже въ томъ случаѣ, если бы полиціи удалось доказать, что стрѣлять начали рабочіе, прокуроръ не имѣлъ никакого юридическаго основанія сдѣлать это. На лицо не было ни одного факта, входящаго въ составъ преступленія, какъ оно опредѣляется 263 ст. Это не было „явное противъ властей, правительствомъ установленныхъ, возстаніе съ намѣреніемъ или воспрепятствовать обнародованію Высочайшихъ указовъ, манифестовъ, законовъ или другихъ постановленій и объявленій правительства". Особое Присутствіе должно было признать и это: „вышеописанное преступное сопротивленіе, составляющее предметъ изслѣдованія по настоящему дѣлу, ни въ какомъ случаѣ ст. 263 улож. о нак. предусмотрѣно быть не можетъ". Въ распоряженіи суда осталось только одно средство: подвести подсудимыхъ подъ 269 ст. Улож. о наказ. Но если прежде судъ и прокуроръ могли обходить во-

*) Статья эта грозитъ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкой въ каторжную работу на время отъ 15 до 20 лѣтъ.

просъ о побужденіяхъ, руководившихъ толпой, если обвинительный актъ могъ еще изобразить обуховское побоище, какъ ничѣмъ не вызванный актъ необузданности, какъ стихійный взрывъ рабочихъ, ни съ того, ни съ сего устроившихъ безпорядки, то теперь Особое Присутствіе должно было признать „наличность извѣстныхъ, указанныхъ въ этомъ законѣ побужденій, лежавшихъ въ основаніи скопища и поступковъ участниковъ его, угрожавшихъ общественной безопасности, въ коихъ бы выражалась общность проявленной ими воли и единство направленія". Въ чемъ же выразились „общность воли" и „единство направленія"? Чтобы доказать это, Особое Присутствіе принуждено было сдѣлать цѣлый рядъ откровенныхъ признаній, въ которыхъ и лежитъ все значеніе печатаемаго нами приговора.

Сравнимъ изложеніе обвинительнаго акта и приговора:

Обвинительный актъ.

7 мая 1901 года среди рабочихъ Обуховскаго завода . . . возникли волненія: они стали собираться группами, а затѣмъ одна партія рабочихъ, въ количествѣ 150 человѣкъ, войдя послѣ обѣденнаго перерыва во дворъ завода, вызвала къ себѣ заводское начальство и, предъявивъ ему требованіе о принятіи на работы обратно 26 человѣкъ, разсчитанныхъ недавно передъ тѣмъ за прогулъ, стали домогаться, кромѣ того, еще увеличенія заработной платы, установленія восьмичасоваго рабочаго дня и уничтоженія ночныхъ ра

Приговоръ.

Судебнымъ слѣдствіемъ по настоящему дѣлу вполнѣ доказано и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что 7 мая 1901 г. рабочіе Обуховскаго сталел. завода ..... *изъ побужденій, возникшихъ подъ вліяніемъ пропаганды на почвѣ экономическихъ отношеній рабочихъ къ капиталистамъ и неудовольствія распоряженіями начальства завода*, собравшись толпою до 150 человѣкъ во дворѣ завода послѣ обѣденнаго перерыва, предъявили къ начальству завода требованія: о принятіи разсчитанныхъ въ первыхъ числахъ того же мая мѣсяца рабочихъ за прогулъ *), установ-

*) Въ другомъ мѣстѣ приговоръ откровеннѣе: рабочіе требовали прощенія и возвращенія на заводъ рабочихъ, уволенныхъ за прогулъ 1 мая.

ботъ, сопровождая означенныя требованія дерзкими выходками.

леніи восьми-часоваго рабочаго дня, уничтоженіи ночныхъ работъ, увеличеніи заработной платы, *установленіи празднованія дня 1 мая.*

Что же заставило судъ измѣнить свое мнѣніе? Оказывается, что „судебное слѣдствіе по настоящему дѣлу совершенно опредѣлительно и точно установило, что еще до возникновенія безпорядковъ 7 мая 1901 года, на Обуховскомъ заводѣ происходила уже негласная пропаганда на почвѣ экономическихъ отношеній рабочихъ къ капиталистамъ, выразившаяся въ распространеніи на этомъ заводѣ прокламацій среди рабочихъ". Наличность общихъ экономическихъ враждебныхъ отношеній фабричныхъ рабочихъ .... устанавливается тѣми чисто экономическими требованіями, которыя ... были предъявлены толпою рабочихъ... генералъ-маіору Власьеву... и независимо отъ сего тѣми криками, которые раздавались не только въ это время, но и во время безпорядковъ, продолжавшихся толпой на улицѣ, „долой капиталистовъ", „намъ нужна свобода", „наше отечество тамъ, гдѣ хлѣбъ" и т. п.

Такія „чисто экономическія требованія", какъ „намъ нужна свобода"! Кто бы могъ подумать, что наши судьи и прокуроры такъ далеко заходятъ въ „экономизмѣ", что и требованіе политической свободы считаютъ „чисто экономическимъ"! Но чѣмъ же объяснить такое „экономическое" упорство?

Судебное слѣдствіе развернуло передъ судьями такую поразительную картину „негласной пропаганды", что отрицать этотъ фактъ не было никакой возможности. Когда Гаврилова изобличали въ подбрасываніи прокламацій, онъ отвѣтилъ: „Смѣшно говорить о подбрасываніи прокламацій! Эта вина можетъ казаться страшной тому, кто не бывалъ никогда на заводѣ. На нашемъ правительственномъ заводѣ прокламаціи самая обыкновенная вещь. Прокламаціи вездѣ. Прокламаціи на стѣнахъ, на станкахъ, прокламаціи на колесахъ, прокламаціи въ жерлахъ пушекъ. Прокламаціи поступаютъ ежедневно, летятъ десятками каждое утро свѣжія.

Это наша газета. Сторожа выметаютъ ее цѣлыми стогами. Любому сторожу не трудно потопить въ прокламаціяхъ дюжину рабочихъ, не только меня"*).

А показанія всѣхъ полицейскихъ въ одинъ голосъ говорили, что имъ еще никогда не приходилось натыкаться на такое упорное сопротивленіе. Но признать оффиціально пробужденіе политическаго сознанія рабочаго класса судьи все таки не рѣшились. Насколько намъ извѣстно, и прокуроръ, и предсѣдатель употребляли всѣ усилія, — и защитники, въ интересахъ кліентовъ, имъ содѣйствовали въ этомъ, уговоривъ и многихъ подсудимыхъ не противорѣчить,—чтобы устранить всякій политическій характеръ „бунта". Вынужденные необходимостью подвести подсудимыхъ подъ 269 ст. Улож. о нак. указать „извѣстныя побужденія, лежавшія въ основаніи скопища и поступковъ членовъ его", они предпочли искать ихъ не въ „общихъ политическихъ враждебныхъ отношеніяхъ фабричныхъ рабочихъ", а въ общихъ „экономическихъ". Такимъ образомъ сохранялась невинность — политическій характеръ безпорядковъ отрицался и пріобрѣтался капиталъ — получалась возможность упечь рабочихъ на каторгу. Но тѣмъ самымъ Особое присутствіе признало, что даже невинныя требованія рабочихъ, въ какой бы формѣ они ни предъявлялись, являются преступленіемъ. Введеніе восьмичасоваго труда, уничтоженіе ночныхъ работъ и увеличеніе заработной платы — всѣ эти требованія указываютъ на „наличность общихъ экономическихъ враждебныхъ отношеній фабричныхъ рабочихъ", стало быть „угрожаютъ общественной безопасности". Такимъ образомъ, по признанію Особаго Присутствія, экономическая борьба рабочаго класса при существующемъ политическомъ строѣ является государственнымъ преступленіемъ, и поэтому единственный выходъ даже для тѣхъ рабочихъ, которые думаютъ только объ экономической борьбѣ — уничтоженіе современнаго политическаго строя, сверженіе самодержавія.

Никакія ухищренія Зубатовыхъ, Васильевыхъ, Новицкихъ и ихъ достойныхъ соратниковъ — Озеровыхъ и Левитскихъ

---

*) «Процессъ обуховскихъ рабочихъ». Изданіе Петербургскаго Комитета Рос. Соц.-Демокр. Рабочей Партіи.

не въ состояніи затушевать это признаніе. При настоящихъ условіяхъ всякое „частичное“ и „минимальное“ улучшеніе экономическаго положенія пролетаріата, улучшеніе, котораго можно добиться въ короткіе періоды процвѣтанія промышленности, теряетъ почти всякое значеніе и потому, что его нельзя сохранить помощью прочной организаціи. Чтобы экономическая борьба давала мало мальски прочные результаты, она должна опираться на прочный базисъ широкой политической свободы.

Развитіе капитализма означаетъ въ то же время экспропріацію непосредственныхъ производителей, ростъ пролетаріата. „Крупная промышленность скопляетъ въ одномъ мѣстѣ массу неизвѣстныхъ другъ другу людей. Конкуренція разъединяетъ ихъ интересы“. Ихъ разъединяютъ также предразсудки, принесенные изъ деревни, различные мѣстные интересы, различіе профессій и т. д. „Но охрана заработной платы отъ паденія,—этотъ общій имъ всѣмъ и противоположный хозяйскому интересъ, — соединяетъ рабочихъ на одной и той же мысли сопротивленія“. Начинается стачечное движеніе. „Иногда рабочіе остаются побѣдителями, но не на долго. Существеннымъ результатомъ ихъ борьбы является не непосредственный успѣхъ, но все болѣе возрастающее сплачиваніе ихъ между собою“. Рабочіе постепенно освобождаются отъ всякихъ мѣстныхъ предразсудковъ, они выходятъ изъ узкаго круга данной профессіи, они постепенно пріучаются ставить всегда на первый планъ интересы всего рабочаго класса, въ нихъ пробуждается сознаніе общенародныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и международныхъ задачъ,—другими словами, въ рабочихъ развивается классовое самосознаніе.

Выражаясь словами Особаго Присутствія, „на почвѣ экономическихъ отношеній рабочихъ къ капиталистамъ“ сначала выростаютъ „общія враждебныя экономическія отношенія фабричныхъ рабочихъ“. Но рабочіе скоро дѣлаютъ и слѣдующій шагъ. За общими враждебными экономическими отношеніями слѣдуютъ общія враждебныя политическія отношенія. Они начинаютъ понимать, что ихъ борьба, поскольку она направлена противъ отдѣльныхъ капиталистовъ или группъ капиталистовъ, можетъ разсчитывать на прочный успѣхъ только тогда, когда она направ-

лена противъ всего класса капиталистовъ, когда она ставитъ себѣ цѣлью захватъ власти, переходъ ея изъ рукъ господствующаго класса въ руки угнетеннаго. Борьба рабочаго класса противъ класса капиталистовъ становится политической борьбой.

Говоря словами Маркса: „Экономическія отношенія превратили сперва массу народонаселенія въ рабочихъ. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положеніе и общіе интересы. Такимъ образомъ, по отношенію къ капиталу масса является уже классомъ, но сама для себя оно еще не классъ. Въ борьбѣ, намѣченной нами лишь въ нѣкоторыхъ ея фазисахъ, сплоченная масса вырабатывается въ классъ для себя (въ ней развивается классовое самосознаніе), защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами. А классовая борьба есть борьба политическая".

Выставляя такое требованіе „чисто экономическаго свойства", какъ „политическая свобода", обуховскіе рабочіе этимъ открыли новый періодъ въ исторіи русскаго рабочаго движенія: періодъ активной борьбы за политическую власть рабочаго класса. Низверженіе самодержавія — первый шагъ на пути къ этому. И потому день 7 мая для русскаго пролетаріата навсегда останется однимъ изъ наиболѣе свѣтлыхъ праздниковъ.

Но—и мы должны имѣть мужество признать это — не надо забывать, что хотя все это движеніе подготовлено исключительно соціалъ-демократами, для политическаго воспитанія рабочихъ массъ сдѣлано было слишкомъ мало. И если несмотря на это, дѣятельность соціалъ-демократовъ, картину которой такъ живописно изобразилъ Гавриловъ, принесла такіе блестящіе плоды, то не пора-ли уже отказаться отъ педагогическихъ пріемовъ, которые свидѣтельствуютъ только о примитивности мышленія самихъ педагоговъ? Не пора-ли отказаться отъ взгляда на рабочій классъ, какъ на ребенка, съ которымъ себѣ можно позволить „благочестивый обманъ"?

Намъ рекомендуютъ для „вовлеченія массы въ активную политическую борьбу", „выставить правительству отъ имени пролетаріата рядъ опредѣленныхъ радикальныхъ требованій для смягченія фабричнаго гнета, для смягченія

безработицы и голода". Въ чемъ же состоятъ эти требованія, предъявляемыя „нашему правительству?" Для смягченія безработицы и голода, партія могла бы выставить „опредѣленныя требованія отчета въ хищнической финансовой политикѣ нашего правительства, широкаго страхованія отъ безработицы на средства капиталистовъ, а не рабочихъ, снятія съ крестьянства податного бремени и поповско-дворянско-чиновничьей опеки"!

„Мы", конечно, знаемъ, что наша „россійская держава" не смогла бы удовлетворить въ сколько нибудь достаточной (?) мѣрѣ подобныя требованія", для „насъ", вѣдь, достаточно опыта исторіи и теоріи, но масса должна еще пройти курсъ „нагляднаго обученія", чтобы на своихъ собственныхъ бокахъ убѣдиться, что прежде всего „намъ нужна свобода". А тогда мы переведемъ ее въ классъ повыше и разскажемъ ей „правду, всю правду"!

У древнихъ философовъ было два ученія: одно—экзотерическое, для массы, другое—эзотерическое, предназначенное для небольшого числа учениковъ. Они имѣли на то свои основанія. Но существуютъ-ли они у соціалъ-демократовъ? Не пора ли бросить раздѣленіе на „пропаганду" и „агитацію"? Развѣ пропаганда отличается отъ агитаціи по содержанію своихъ идей? Неужели тотъ фактъ, что крупное событіе въ экономической или политической жизни пролетаріата дѣлаетъ массы болѣе воспріимчивыми къ нашимъ идеямъ, дозволяетъ намъ создавать для нихъ особую систему подъ названіемъ „агитаціи"? Будемъ-ли мы еще дальше оправдывать дробленіе нашей программы на мелкія требованія необходимостью сдѣлать ее доступной для массы?

„Съ кочки на кочку", съ одного мелкаго требованія на другое—и все это для того, чтобы конкретизировать такое конкретное требованіе, какъ „намъ нужна свобода"!

Не рискуемъ ли мы въ своемъ педагогическомъ рвеніи услышать отъ пролетаріата слѣдующія негодующія слова: „Какая великолѣпная перспектива! Съ одной навозной кучи на другую! Не правда ли, божественная теорія классовъ? Изъ перваго во второй, изъ второго въ третій и т. д.?

Мнѣ опротивѣла школьная скамья, я насидѣлъ себѣ на ней мозоли!“*)

Обуховскіе безпорядки и процессъ выдали русскому рабочему классу „аттестатъ зрѣлости“. Вы можете теперь смѣло отказаться отъ „божественной теоріи классовъ“. Смѣло, полными горстями бросайте въ пролетаріатъ сѣмена революціонной соціалъ-демократіи. Почва для нихъ вполнѣ подготовлена и урожай она обѣщаетъ прекрасный.

Если же вамъ нужно что нибудь „положительное“, то вы его имѣете въ своихъ ближайшихъ требованіяхъ русской и международной соціалъ-демократіи:

Всеобщее избирательное право и восьмичасовый рабочій день!

Н. Рязановъ.

---

*) Слова Дантона въ драмѣ знаменитаго нѣмецкаго революціонера 30-хъ годовъ Бюхнера «Смерть Дантона».

КОПІЯ.

1901 года Октября 30 дня въ 4 часа 20 минутъ дня въ залѣ судебныхъ засѣданій С.-Петербургской Судебной Палаты настоящій приговоръ объявленъ мною, при закрытыхъ дверяхъ присутствія, съ точнымъ соблюденіемъ 829-834 и 843 ст. уст. угол. суд. при Товарищѣ Прокурора С. М. Зарудномъ и Помощникѣ Секретаря Л. Ф. Зивертѣ.

Всѣ подсудимые, содержащіеся подъ стражею, къ выслушанію приговора явились и просили выдать имъ копіи приговора.

Подписалъ Членъ Палаты А. Ходневъ.

ПРИГОВОРЪ.

1901 года, Сентября 24-28 дня, По Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, С.-Петербургская Судебная Палата, въ особомъ присутствіи, съ участіемъ сословныхъ представителей, въ городѣ С. Петербургѣ, въ публичномъ засѣданіи, въ которомъ присутствовали: Предсѣдатель Департамента Д. А. Коптевъ, Члены Палаты: Н. Г. Архиповъ, П. Ф. Бологовской и А. А. Ходневъ, Гдовскій Уѣздный Предводитель Дворянства Н. Г. Дружининъ, Испр. долж. С.-Петербургскаго Городского Головы С. А. Тарасовъ, Рыбацкій, С.-Петербургскаго уѣзда, Волостной Старшина И. Зотовъ, Товарищъ Прокурора Ф. О. Гредингеръ, за Секретаря Л. Ф. Зивертъ и старшій кандидатъ Н. Ф. Николинъ.

СЛУШАЛА: дѣло о крестьянинѣ Анатоліи Ермаковѣ, мѣщанинѣ Константинѣ Стефанѣ, крестьянинѣ Иванѣ Соловьевѣ (онъ же Яблочкинъ), мѣщанинѣ Ефремѣ Дахинѣ, дворянинѣ Анатоліи Гавриловѣ, всего въ числѣ тридцати семи человѣкъ, обвиняемыхъ по 13 и 263 ст. улож. о наказ., крестьянинѣ Афанасіи Красулинѣ, обвиняемомъ кромѣ сего по 9 и 2 ч. 1455 ст. улож. о наказ. и мѣщанинѣ Александрѣ Ковальскомъ, обвиняемомъ по 13, 266, 9 и 2 ч. 1455 ст. улож. о наказ.

Въ порядкѣ, закономъ установленномъ, были преданы суду Особаго Присутствія С.-Петербургской Судебной Палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей: I. крестьянинъ Владимірской губерніи, Меленковскаго уѣзда, Гусевской Волости, Анатолій Ивановъ Ермаковъ, 22 лѣтъ, Колпинскій мѣщанинъ Константинъ Ивановъ Стефанъ, 36 лѣтъ, крестьянинъ Костромской губерніи, Кологривскаго уѣзда и волости, деревни Николаевской Иванъ Ильинъ Соловьевъ (онъ же Яблочкинъ), 24 лѣтъ, Новоторжскій мѣщанинъ Ефремъ Степановичъ Дахинъ, 30 лѣтъ, дворянинъ Анатолій Ивановъ Гавриловъ, 32 лѣтъ, крестьяне Вятской губерніи, Сарапульскаго уѣзда, Воткинской волости, Воткинскаго завода, Константинъ

Ивановъ Мѣдянцевъ, 18 лѣтъ, Тверской губерніи, Весьегонскаго уѣзда, Володкинской волости, деревни Пронево Василій Моисеевъ Багровъ, 28 лѣтъ, Псковской губерніи, Порховскаго уѣзда, Верхе-Шелонской волости, деревни Лихачевки, Григорій Емельяновъ, 28 лѣтъ, Новгородской губерніи, Боровичскаго уѣзда, Хоромской волости, деревни Плесово Александръ Александровъ, 22 лѣтъ, С.-Петербургскій мѣщанинъ Николай Васильевъ Семеновъ, 18 лѣтъ, крестьянинъ Нижегородской губерніи Ардатовскаго уѣзда, Плевской волости, завода Илева Александръ Андреевъ Зайцевъ, 25 лѣтъ, Колпинскій мѣщанинъ Тимофей Степановъ Завалишинъ, 29 лѣтъ, С.-Петербургскій мѣщанинъ Александръ Савельевъ Калининъ, 30 лѣтъ, крестьяне Тамбовской губерніи, Темниковскаго уѣзда, Еремшинской волости и села Михаилъ Петровъ Пошехоновъ, 26 лѣтъ, Витебской губерніи, Себежскаго уѣзда, Чайкинской волости, деревни Швары Захаръ Анисимовъ (онъ же Андреевъ), 26 лѣтъ, Колпинскій мѣщанинъ Павелъ Александровъ Константиновъ 27 лѣтъ. крестьяне Ярославской губерніи, Угличскаго уѣзда, Кондаковской волости, деревни Бабаева Дмитрій Карповъ Кокушкинъ, 19 лѣтъ, С.Петербургской губерніи и уѣзда, Ижорской волости, села Усть-Ижора Дмитрій Михайловъ Ситниковъ, 26 лѣтъ, Тверской губерніи, Калязинскаго уѣзда, Фроловской волости, деревни Устья Дмитрій Васильевъ Саженниковъ, 17 лѣтъ, С.Петербургскій мѣщанинъ Михаилъ Дмитріевъ Федоровъ, 18 лѣтъ, С.Петербургскій мѣщанинъ Иванъ Николаевъ (онъ же Ивановъ) 18 лѣтъ, крестьяне Тверской губерніи, Вышневолоцкаго уѣзда, Казихинской волости, сельца Корельска, Дмитрій Никитинъ Вересовъ, 20 лѣтъ., С.Петербургской губерніи и уѣзда, Рыбацкой волости и села Николай Ивановъ Чирковъ, 21 года, Рязанской губерніи, Спасскаго уѣзда, Исадской волости, деревни Кутуково, Евдокимъ Григорьевъ Трушинъ, 18 лѣтъ, Ярославской губерніи, Мышкинскаго уѣзда, Новоникольской волости, деревни Савельево, Виталій Ефремовъ Соколовъ, 25 лѣтъ, С.Петербургскій мѣщанинъ Дмитрій Игнатьевъ Петровъ, 29 лѣтъ, крестьяне С.Петербургской губерніи и уѣзда, Новосаратовской колоніи, Александръ Александровъ Даувальтеръ, 20 лѣтъ, Тверской губерніи, Корчевскаго уѣзда, Даниловской волости, деревни Быстрова, Александръ Ивановъ Щербаковъ, 24 лѣтъ, Олонецкой губер, Каргопольскаго уѣзда, Вызерской волости, деревни Гришинской. Александръ Степановъ Тарасовъ, 23 лѣтъ, Новгородской губерніи, Крестецкаго уѣзда и волости, деревни Пристань Александръ Елисѣевъ Богдановъ, 25 лѣтъ, С.Петербургской губерніи и уѣзда, Рыбацкой волости и села Андрей Ивановъ Чирковъ, 17 лѣтъ, С.Петербургской губерніи и уѣзда, Рыбацкой волости, деревни Лѣснозаводской, Семенъ Петровъ Машистовъ, 22 лѣтъ, Смоленской губ Сычевскаго уѣзда, Ивановской волости, деревни Болтилова Миха-

илъ Евдокимовъ Кирилловъ, 22 лѣтъ и Тульской губерніи, Чернскаго уѣзда, Синдеевской волости, сельца Михайловки Афанасій Никитинъ Красулинъ, 35 лѣтъ,—по обвиненію въ томъ, что 7 мая 1901 года въ селѣ Александровскомъ, Шлиссельбургскаго участка города С. Петербурга, по предварительному между собою уговору и совокупно съ другими, слѣдствіемъ необнаруженными лицами, они, послѣ произведеннаго на Обуховскомъ сталелитейномъ заводѣ безпорядка, собравшись толпою на Шлиссельбургскомъ проспектѣ, встрѣтили явившихся для водворенія спокойствія чиновъ полиціи и воинской команды крикомъ и бранью и, оказавъ явное противодѣйствіе предъявленному къ нимъ требованію разойтись и прекратить буйство, а также сопротивленіе задержанію виновныхъ въ этихъ безпорядкахъ, совокупными силами произвели открытое нападеніе на вооруженные отряды полиціи и воинской команды, камнями оттѣснили таковые въ переулокъ къ Обуховскому заводу, а затѣмъ производили выстрѣлы и бросали въ нихъ булыжниками до тѣхъ поръ, пока не были разсѣяны залпами подоспѣвшей на мѣсто морской команды, при чемъ во время описанныхъ выше безпорядковъ нѣкоторымъ полицейскимъ чинамъ причинены были болѣе или менѣе значительныя поврежденія, а поименованные обвиняемые Анатолій Ермаковъ, Ефремъ Дахинъ, Анатолій Гавриловъ, Иванъ Соловьевъ (онъ же Яблочкинъ), Константинъ Мѣдянцевъ, Константинъ Стефанъ, Григорій Емельяновъ и Александръ Александровъ дѣйствовали въ качествѣ зачинщиковъ совершеннаго преступленія, т. е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 13 и 263 ст. улож. о наказ.

II. Кронштадтскій мѣщанинъ Александръ Михайловъ Ковальскій, 26 лѣтъ, по обвиненію въ томъ, что тогда же и тамъ же, по уговору съ другими лицами, явился на мѣсто преступленія, для участія въ задуманномъ насильственномъ противодѣйствіи чинамъ полиціи и воинской команды и, желая проникнуть на заводъ, куда его не пропускалъ сторожъ Алексѣй Курниковъ, въ намѣреніи лишить жизни послѣдняго, въ состояніи запальчивости и раздраженія, нанесъ ему въ голову, шею и спину девять ранъ ножемъ, но намѣренія своего выполнить не успѣлъ, будучи задержанъ подоспѣвшими чинами полиціи, т.-е. въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 13, 266, 9 и 2 ч. 1455 ст. улож. о наказ;

III. Поименованный выше Афанасій Никитинъ Красулинъ, по обвиненію также и въ томъ, что тогда же и тамъ же, съ цѣлью лишить жизни пытавшагося арестовать его городового конно-полицейской стражи Матвѣя Николенко, нанесъ послѣднему ножемъ три удара въ руку, спину и въ бокъ, причинивъ ему двѣ раны, но не достигъ своей цѣли по независѣвшимъ отъ воли его обстоятельствамъ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 9 и 2 ч.

1455 ст. улож. о наказ. и IV, крестьянки Смоленской губерніи, Юхновскаго уѣзда, Воскресенской волости, деревни Ломово, Марфа Яковлева, 18 лѣтъ, и Вологодской губерніи, Велико-Устюгскаго уѣзда, Геляновской волости, деревни Дыгдынскаго-Починка, Лидія Кириллова Бурчевская, 18 лѣтъ, по обвиненію въ томъ, что тогда же и тамъ же, по уговору съ другими лицами, съ цѣлью оказать имъ содѣйствіе къ совершенію описаннаго выше нападенія на полицейскихъ и воинскихъ чиновъ, онѣ доставляли своимъ соучастникамъ булыжники, которые были затѣмъ брошены въ полицейскую и воинскую команды, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 4 п. 13 и 263 ст. улож. о наказ. На судѣ, исключая Марфы Яковлевой, никто изъ подсудимыхъ виновными себя не призналъ, а подсудимая Яковлева, признавая себя виновной въ предъявленномъ къ ней обвиненіи, объяснила, что подавая булыжники рабочимъ, бросавшимъ ихъ въ полицію, она поступала такъ изъ сочувствія къ рабочимъ, которыхъ полиція била. Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, произведенное по оному судебное слѣдствіе и выслушавъ пренія сторонъ и послѣднее слово обвиняемыхъ Особое Присутствіе находитъ, что совокупностью показаній опрошенныхъ на судѣ свидѣтелей Власьева, Иванова, Палибина, Лѣспевича, Старцева, Страховича, Келина, Заставного, Ладо, Войко, Бродовскаго, Максимова, Чугунова, Халдеева и друг. преступное событіе, имѣвшее мѣсто 7 Мая 1901 года въ селѣ Александровскомъ Шлиссельбургскаго участка г. С.Петербурга, должно быть признано вполнѣ по дѣлу установленнымъ и ни въ чемъ со стороны обвиняемыхъ на судѣ неопровергнутымъ, причемъ, какъ это удостовѣрено на судебномъ слѣдствіи, оно выразилось въ нижеслѣдующемъ.

7 Мая 1901 года, около 2-хъ часовъ дня, послѣдняя часть рабочихъ, вернувшихся послѣ обѣденнаго перерыва во дворъ Обуховскаго сталелитейнаго завода для продолженія работъ, всего около 150 человѣкъ, — не расходилась по мастерскимъ, а начала производить шумъ, на который стали выходить рабочіе изъ ближайшихъ мастерскихъ. Въ виду возникшаго во дворѣ завода шума, туда прибылъ сперва помощникъ начальника завода подполковникъ Ивановъ, а вслѣдъ за нимъ уволенный уже въ командировку, но не уѣхавшій еще начальникъ завода генералъ-маіоръ Власьевъ. Толпа рабочихъ вела себя въ это время крайне неприлично, шумѣла и кричала: „долой капиталистовъ“, „намъ нужна свобода“, „наше отечество тамъ, гдѣ хлѣбъ“ и требовала немедленнаго прекращенія работъ на заводѣ. На предложеніе начальника завода Власьева, въ виду невозможности говорить со всею толпою, избрать изъ своей среды уполномоченныхъ, которыхъ онъ готовъ выслушать, — изъ толпы послышались возгласы: „мы знаемъ, упол-

номоченныхъ нашихъ вы заморите потомъ въ тюрьмѣ", а засимъ, послѣ заявленія Власьева, что онъ ручается, что съ ними ничего не будетъ сдѣлано, — изъ толпы выдѣлились трое или четверо рабочихъ, объявившихъ, что они требуютъ: 1, введенія восьмичасоваго труда, 2, уничтоженія ночныхъ работъ, 3, увеличенія заработной платы, 4, установленія празднованія 1 Мая, 5, прощенія и возвращенія на заводъ рабочихъ, уволенныхъ за прогулъ 1 Мая, и 6, удаленія подполковника Иванова. Объяснивъ рабочимъ нелѣпость нѣкоторыхъ ихъ требованій, генералъ-маіоръ Власьевъ объщалъ заняться по возвращеніи изъ командировки улаженіемъ справедливой части ихъ требованій и предложилъ имъ разойтись по мастерскимъ. Успокоенные его отвѣтомъ рабочіе, съ крикомъ „ура", понемногу стали расходиться, а генералъ-маіоръ Власьевъ уѣхалъ въ С.Петербургъ. Между тѣмъ рабочіе, проникши въ мастерскія, стали угрозами требовать прекращенія работъ и подстрекать продолжавшихъ работы къ самовольной остановкѣ таковыхъ. Вскорѣ подполковникъ Ивановъ, находясь въ конторѣ завода, услыхалъ, что въ миночной и станочной мастерскихъ вновь стали шумѣть, причемъ вскорѣ раздался самовольно произведенный тревожный гудокъ объ окончаніи работъ. Выйдя во дворъ завода, Ивановъ засталъ тамъ уже тысячную толпу, сильно возбужденную и, чтобы предупредить возможность серіозныхъ послѣдствій для завода, крикнулъ, чтобы рабочіе выбирали одно изъ двухъ „или по работамъ или по домамъ". Тогда вся толпа, выйдя изъ завода съ гиканьемъ и крикомъ „ура", направилась на Шлиссельбургскій проспектъ (показаніе подполковника Иванова). Часть этой толпы рабочихъ направилась къ Александровскому (Бердову) заводу, гдѣ стала ломиться въ ворота, требуя прекращенія работъ, и вступила въ драку съ рабочими, пришедшими на смѣну для ночныхъ работъ, вслѣдствіе чего начальствомъ завода работы были отмѣнены; другая же часть напала на рабочихъ, запоздавшихъ выходомъ съ Обуховскаго завода (показаніе Лѣсневича). Въ виду угрожающаго для безопасности Обуховскаго завода настроенія тысячной толпы рабочихъ, оставившей заводъ и образовавшей, съ примкнувшими къ ней на Шлиссельбургскомъ проспектѣ посторонними лицами публичное скопище, подполковникъ Ивановъ, опасаясь за цѣлость завода, далъ знать о возникшемъ волненіи въ мѣстный полицейскій участокъ, откуда сообщено было объ этомъ полиціймейстеру III отдѣленія г. С.Петербурга, полковнику Палибину. До прибытія полковника Палибина толпа заняла весь проспектъ, осыпая мѣстную полицію бранью и насмѣшками. Въ это время околоточный надзиратель Костюшко-Валюжинчъ, исполняя приказаніе помощника пристава Келина, замѣтилъ одного изъ рабочихъ, выдававшагося своей дерзостью, хотѣлъ обойти его впе-

редъ, но былъ встрѣченъ крикомъ толпы „ребята, нашихъ хотятъ брать, не давайте его“ и въ это время получилъ сзади ударъ чѣмъ то твердымъ по головѣ, такъ что упалъ и временно потерялъ сознаніе, а затѣмъ очнувшись, снова получилъ ударъ камнемъ въ лицо, причемъ этимъ ударомъ ему повреждена была верхняя челюсть и выбито два зуба (показанія Келина и Костюшко-Валюжинича), причемъ напавшіе на него пытались его обезоружить и сломали ножны шашки объ его голову. Полковникъ Палибинъ, прибывъ тотчасъ по увѣдомленіи его на мѣсто происшествія въ село Александровское, въ сопровожденіи эскадрона жандармовъ, 52 пѣшихъ и 19 конныхъ городовыхъ, засталъ около Обуховскаго завода скопище большого количества народа, преимущественно рабочихъ, которые, выйдя съ завода, шли болѣе или менѣе значительными группами. Въ общемъ толпа держала себя сначала спокойно и все, по удостовѣренію полковника Палибина на судѣ, ограничивалось тѣмъ, что въ той или другой группѣ, раздавались свистъ, громкіе крики и „ура“. Вскорѣ однако-же настроеніе толпы сдѣлалось болѣе возбужденнымъ, она стала вести себя вызывающимъ образомъ. На неоднократное предложеніе полковника Палибина и другихъ полицейскихъ чиновъ разойтись, изъ толпы послышались крики, что они, рабочіе, находятся у себя дома и не намѣрены уходить, причемъ нѣкоторые изъ толпы отличались особою дерзостью, ругались и возбуждали толпу не расходиться, крича: „братцы, не поддавайтесь, намъ ничего не значатъ ни полиція, ни солдаты, (показаніе Степаненко); „что же, братцы, неужели мы не постоимъ за своихъ, возмемся же за дѣло“ (показаніе Халдеева); вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые изъ шумѣвшихъ требовали открытія запертой по распоряженію полиціи казенной винной лавки, а другіе кричали „намъ нужна свобода“ (показаніе Старцева). Въ это же приблизительно время, нѣкоторые рабочіе покушались на вторженіе въ торговыя заведенія вдоль Шлиссельбургскаго проспекта, закрытыя въ виду возникшихъ безпорядковъ, а именно: пивной и чайной лавокъ (показанія Малофѣя Соловьева и Дмитрія Иванова). Когда затѣмъ около шести часовъ вечера, окончились работы на карточной фабрикѣ и на Александровскомъ заводѣ, то рабочіе этой фабрики и завода и другія постороннія лица, присоединились на Шлиссельбургскомъ проспектѣ къ буйствовавшимъ тамъ лицамъ, образовавъ скопища народа въ нѣсколько тысячъ, часть каковаго направилась къ шлагбаумамъ, ограждающимъ переѣздъ узкоколейной желѣзной дороги чрезъ Шлиссельбургскій проспектъ, овладѣла ими и, опустивъ ихъ, прекратила всякое движеніе по проспекту конки и полицейскихъ патрулей, причемъ стала бросать камнями въ конку и полицейскихъ чиновъ, побила окна вагоновъ, разбила въ дребезги велосипедъ проѣзжаго и т. п.

дѣйствіями стала принимать угрожающій для общественной безопасности характеръ. Въ виду этого полковникъ Палибинъ приказалъ штабсъ-капитану полицейскаго резерва Страховичу занять шлагбаумъ для освобожденія проѣзда. Лишь только Страховичъ подошелъ къ шлагбаумамъ, какъ на бывшій въ его распоряженіи нарядъ полиціи набросилась толпа, сбила съ ногъ находившагося рядомъ съ нимъ городового и разсѣяла остальныхъ, самого же Страховича схватили и хотѣли втащить въ толпу, но въ это время на помощь ему подоспѣлъ присланный полковникомъ Палибинымъ взводъ жандармовъ и конно-полицейской стражи, который оттѣснилъ нападавшую толпу, причемъ нѣкоторая часть послѣдней скрылась во дворѣ флигелей карточной фабрики, заперевъ и забаррикадировавъ изнутри ворота и калитки (показаніе Страховича). Вскорѣ послѣ этого и самъ полковникъ Палибинъ, съ отрядомъ городовыхъ, отправился къ вышеупомянутымъ шлагбаумамъ, причемъ, какъ только онъ поровнялся съ заборомъ, ограждающимъ дворъ у флигелей карточной фабрики, на него и сопровождавшихъ его полицейскихъ чиновъ посыпался изъ за забора градъ камней. Полковникъ Палибинъ приказалъ городовымъ выломать забаррикадированныя калитки и проникнуть во дворъ, но это распоряженіе не могло быть исполнено, такъ какъ въ виду сыпавшихся на полицейскихъ чиновъ со всѣхъ сторонъ булыжниковъ, они должны были отступить. Тогда, съ цѣлью попугать буйствовавшихъ, по приказанію Палибина, городовыми было произведено по два выстрѣла въ заборъ флигелей карточной фабрики. Вслѣдствіе безвредности этихъ выстрѣловъ толпа, засѣвшая во дворѣ упомянутыхъ Флигелей, еще съ большею смѣлостью стала осыпать полицію градомъ камней. Въ теченіи этого времени брошенными камнями было ранено около 17 полицейскихъ чиновъ (показаніе Ничипоренко) и, между прочимъ, полковникъ Палибинъ, сперва въ ступню и бедро лѣвой ноги и въ колѣно правой ноги, а затѣмъ въ голову и притомъ настолько сильно, что изъ раны на головѣ у него потекла кровь, такъ что онъ принужденъ былъ отправиться на перевязку въ контору Обуховскаго завода. Въ это же время раздался крикъ „что теперь сдѣлаете съ нами; если возьмете хоть одного изъ насъ, мы съ Вами раздѣлаемся“ (показаніе Зубова). По прибытіи на Обуховскій заводъ полковникъ Палибинъ, по показанію его на судѣ, засталъ страшную панику, и временно управляющій заводомъ подполковникъ Ивановъ, заявивъ ему, что опасается нападенія со стороны рабочихъ на заводъ, предложилъ Палибину воспользоваться имѣющеюся при заводѣ командою матросовъ. Одобривъ это предложеніе, полковникъ Палибинъ, выйдя послѣ сдѣланной ему перевязки изъ конторы завода на крыльцо, откуда онъ не могъ дальше идти вслѣдствіе поврежденія ноги уви-

дѣлъ, что ожесточенная толпа, продолжая закидывать камнями чиновъ полиціи, совсѣмъ прижала городовыхъ къ забору у дома начальника завода, а жандармы должны были отступить почти къ самымъ воротамъ завода. По прибытіи на заводъ, съ противоположнаго берега Невы, флотской команды въ количествѣ 20 человѣкъ, подъ начальствомъ боцмана Заставнаго, команда эта была выставлена въ переулкѣ противъ буйствовавшей толпы и въ это же время въ нее посыпались камни. Тогда находившійся тутъ же приставъ Сафоновъ разрѣшилъ стрѣлять въ толпу. Предупрежденія объ этомъ сдѣлано не было, но когда морскою командою произведенъ былъ первый залпъ, неимѣвшій никакихъ послѣдствій, толпа разразилась хохотомъ и съ крикомъ „ура“ засыпала матросовъ градомъ камней. Одинъ камень попалъ боцману Заставному въ ногу, а у одного изъ матросовъ было камнемъ разбито ружье. Вслѣдъ засимъ команда была раздвинута по проспекту и въ толпу сопротивляющихся даны были слѣдующіе два залпа боевыми зарядами, послѣ чего толпа разсѣялась и Шлиссельбургскій проспектъ былъ очищенъ (показаніе Заставнаго). Спустя около часа времени явились двѣ вызванныя роты Омскаго полка и тогда были произведены, по распоряженію полковника Палибина аресты тѣхъ лицъ, которыя оказались во Флигеляхъ карточной фабрики, такъ какъ оттуда произведено было киданіе камнями въ полицію и особенно сильное сопротивленіе послѣдней (показаніе Палибина и др.). При этомъ чины полиціи были встрѣчены градомъ каменьевъ, брошенныхъ изъ за забора, послѣ чего бросавшіе камни разбѣжались по квартирамъ Флигелей (показаніе Лѣсневича). Между прочимъ въ это же время было произведено нападеніе на городового конно-полицейской стражи Николенко, пытавшагося задержать одного изъ участниковъ безпорядковъ во дворѣ дома № 3-5 по Станціонной улицѣ, откуда продолжали бросать камни въ полицію, причемъ рабочій этотъ нанесъ Николенко три удара ножемъ въ руку, спину и бокъ (показаніе Николенко). Независимо отъ сего, въ самомъ началѣ вышеописаннаго преступнаго событія, имѣвшаго мѣсто 7 мая 1901 года, въ то время, когда шумѣвшіе рабочіе находились еще во дворѣ Обуховскаго завода, на сторожа этого завода Курникова, дежурившаго у воротъ и не пропускавшаго постороннихъ во дворъ завода, одинъ изъ любопытствовавшихъ, оказавшійся впослѣдствіи Кронштадскимъ мѣщаниномъ Александромъ Ковальскимъ, желая проникнуть во дворъ завода и недопущенный Курниковымъ, напалъ на него и нанесъ ему ножемъ въ голову, шею и спину девять ранъ, такъ что Курниковъ тотчасъ же обезсилѣлъ и потерялъ сознаніе, а Ковальскій, пытаясь скрыться, былъ задержанъ околоточнымъ надзирателемъ Лѣсневичемъ (показаніе Курникова и Лѣсневича). Таковымъ въ общихъ, точно установлен-

ныхъ на предварительномъ слѣдствіи и подтвержденныхъ на судѣ, чертахъ представляется преступное событіе, имѣвшее мѣсто 7 Мая 1901 года какъ на Обуховскомъ сталелитейномъ заводѣ, такъ и на Шлиссельбургскомъ проспектѣ города С.Петербурга.

По обвинительному акту всѣмъ подсудимымъ предъявлено было на основаніи данныхъ, добытыхъ на предварительномъ слѣдствіи, обвиненіе въ участіи ихъ въ вышеописанномъ преступномъ событіи по предварительному соглашенію. Между тѣмъ судебное слѣдствіе не только не дало въ этомъ отношеніи никакихъ указаній, но и вполнѣ такое предварительное соглашеніе опровергло. Изъ точнаго и опредѣлительнаго показанія на судѣ генералъ-майора Власьева, начальника Обуховскаго завода, гдѣ первоначально возникли безпорядки, повлекшіе впослѣдствіи за собою то преступное событіе, которое составляетъ предметъ изслѣдованія по настоящему дѣлу, — усматривается, что по характеру дѣйствій толпы, объяснявшейся съ нимъ во дворѣ Обуховскаго завода и по способу ея съ нимъ разговоровъ, генералъ маіоръ Власьевъ не допускаетъ возможности, чтобы толпа эта дѣйствовала по предварительному между собою соглашенію отдѣльныхъ лицъ. За симъ, какъ сказано выше, никакихъ другихъ данныхъ, удостовѣрявшихъ бы предварительное соглашеніе, по дѣлу не установлено. Равнымъ образомъ нельзя признать на судебномъ слѣдствіи доказаннымъ, чтобы во время того же насильственнаго противодѣйствія вооруженнымъ отрядамъ полиціи и воинской командѣ, призваннымъ для разсѣянія образовавшагося 7 Мая 1901 года скопища, были бы произведены въ полицію и команду выстрѣлы изъ огнестрѣльнаго оружія. Изъ числа допрошенныхъ на судѣ свидѣтелей, трое, а именно Пархимовичъ, Ничипоренко и Сташкевичъ, показали, что они слышали револьверные выстрѣлы близъ флигелей карточной фабрики и изъ за забора ихъ, а Сташкевичъ и Пархимовичъ, даже замѣтили „струйки дыма“, подымавшагося отъ этихъ выстрѣловъ. Показанія эти едвали могутъ быть признаны достовѣрными и во всякомъ случаѣ къ нимъ слѣдуетъ, по мнѣнію Особаго Присутствія, отнестись съ крайней осторожностью какъ потому, что никто изъ остальныхъ свидѣтелей-ближайшихъ очевидцевъ происшедшихъ безпорядковъ (полковника Палибина, Старцева, Конца, Заставнаго и др.) упомянутыхъ выстрѣловъ не слыхали, такъ и потому, что свидѣтели Пархимовичъ, Ничипоренко и Сташкевичъ легко могли впасть въ заблужденіе, принявъ выстрѣлы, произведенные городовыми, по приказанію полковника Палибина, за выстрѣлы изъ толпы рабочихъ. Посему Особое Присутствіе приходитъ къ тому заключенію, что выстрѣловъ изъ огнестрѣльнаго оружія въ вооруженные отряды полиціи и воинскую команду со стороны рабочихъ произведено не было. Обращаясь засимъ къ разрѣшенію

вопроса, какому преступному дѣянію соотвѣтствуетъ вышеописанное преступное событіе, Особое Присутствіе находитъ, что по обвинительному акту всѣ подсудимые обвиняются въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 263 и 266 ст. улож. о наказ., между тѣмъ обстоятельства, установленныя на судѣ, вполнѣ согласныя съ фактами, включенными въ самый обвинительный актъ по настоящему дѣлу, указываетъ на то, что преступное событіе, имѣвшее мѣсто 7 Мая 1901 года, заключаетъ въ себѣ всѣ существенные признаки преступленія, предусмотрѣннаго 269 ст. улож. о наказ. — Правительствующій Сенатъ, въ рѣшеніи по Общ. Собран. 1877 г. № 40, по дѣлу Боголюбова и др. разъяснилъ, что ст. 263 улож. о нак. имѣетъ примѣненіе лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда возстаніе и противодѣйствія. о которыхъ въ ней говорится, направлены были къ воспрепятствованію какихъ либо общихъ, до всего государства или цѣлаго края, касающихся дѣйствій правительства, какъ то: обнародованію манифестовъ, законовъ и т. п. или приведенію ихъ въ исполненіе. Отсюда усматривается, что вышеописанное преступное сопротивленіе, составляющее предметъ изслѣдованія по настоящему дѣлу, ни въ какомъ случаѣ ст. 263 улож. о нак. предусмотрѣно быть не можетъ. Что же касается 369 ст. улож. о наказ. то по мнѣнію Особаго Присутствія, согласному въ настоящемъ случаѣ съ заключеніемъ Товарища Прокурора Судебной Палаты, сопротивленіе и противодѣйствіе, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящемъ дѣлѣ, несомнѣнно предусмотрѣны этою статьею закона. Согласно разъясненію Правительствующаго Сената, по Уголовному Кассаціонному Департаменту 1899 года № 26, по д. Сегогоды,— ст. 269[1] улож. о нак. предусматриваетъ преступное посягательство противъ общественной безопасности, колеблющее порядокъ управленія и состоящее въ завѣдомомъ и умышленномъ принятіи участія въ скопищѣ, произведшемъ указанныя въ законѣ насилія и образовавшемся по извѣстнымъ, указаннымъ въ законѣ, побужденіямъ. Необходимыя условія его суть: 1, наличность сознательнаго участія въ скопищѣ даннаго лица; 2, наличность самаго скопища; 3, наличность указанныхъ закономъ насильственныхъ дѣйствій, произведенныхъ скопищемъ; 4, наличность извѣстныхъ, указанныхъ закономъ, побужденій, лежавшихъ въ основаніи скопища и поступковъ членовъ его и 5, сверхъ того, для примѣненія 2 ч. 269[1] ст. улож. о нак., наличность оказаннаго соединенными силами скопища насильственнаго противодѣйствія вооруженной силѣ, призванной для его разсѣянія. — Примѣняя эти соображенія къ фактическимъ даннымъ, приведеннымъ выше и прочно установленнымъ на судѣ,— Особое Присутствіе находитъ, что всѣ существенныя условія, необходимыя, согласно указаніямъ Правительствующаго Сената, для примѣненія ст. 269[1] улож. о нак. къ

настоящему дѣлу имѣются на лицо. Наличность участія въ скопищѣ, образовавшемся 7 Мая 1901 года въ селѣ Александровскомъ Шлиссельбургскаго участка г. С.Петербурга подсудимыхъ, преданныхъ суду по настоящему дѣлу, а именно: дѣйствительное физическое присутствіе ихъ въ составѣ этого скопища въ качествѣ членовъ таковаго, сознательно примкнувшихъ къ нему, не подлежитъ никакому сомнѣнію и въ отношеніи каждаго изъ подсудимыхъ имѣетъ быть установлено Особымъ Присутствіемъ впослѣдствіи. Засимъ, наличность самаго скопища, образовавшагося изъ цѣлой массы фабричныхъ рабочихъ и посторонниихъ людей въ нѣсколько тысячъ, имѣвшаго мѣсто 7-го Мая 1901 года, равнымъ образомъ представляется вполнѣ по дѣлу доказанною на основаніи приведенныхъ въ началѣ сего приговора фактическихъ данныхъ, установленныхъ показаніями почти всѣхъ спрошенныхъ на судѣ свидѣтелей. Наличность, далѣе, указанныхъ въ 269[1] ст. улож. о наказаніяхъ насильственныхъ дѣйствій, произведенныхъ скопищемъ 7 Мая 1901 года, представляется также вполнѣ доказанною. Выше было уже установлено, что насильственное противодѣйствіе было оказано скопищемъ вооруженной силѣ, призванной для разсѣянія его, а именно: вооруженнымъ конно-полицейской стражѣ, городовымъ, жандармамъ и морской командѣ, причемъ противодѣйствіе это выразилось въ нанесеніи имъ побоевъ и въ бросаніи въ нихъ камнями, во время чего многимъ полицейскимъ чинамъ были нанесены болѣе или менѣе тяжкія поврежденія. Независимо отъ сего къ этимъ же насильственнымъ дѣйствіямъ скопища 7 Мая 1901 года, по мнѣнію Особаго Присутствія, слѣдуетъ отнести и удостовѣренное на судѣ показаніями околоточнаго надзирателя Лѣсневича покушеніе на вторженіе части скопища въ Александровскій (Бердовъ) заводъ, покушеніе на столько серіозно угрожавшее цѣлости этого завода, что начальство его принуждено было отмѣнить ночныя работы,—насилія надъ рабочими, а также вторженія въ торговыя заведенія Иванова для нападенія на скрытаго имъ рабочаго. Наконецъ послѣднимъ условіемъ, существенно необходимымъ для состава 269[1] ст. улож. о нак. представляется наличность извѣстныхъ, указанныхъ въ этомъ законѣ побужденій, лежавшихъ въ основаніи скопища и поступковъ участниковъ его, угрожавшихъ общественной безопасности, въ коихъ бы выражалось общность проявленной ими воли и единство направленія. Въ этомъ отношеніи судебное слѣдствіе по настоящему дѣлу совершенно опредѣлительно и точно установило, что еще до возникновенія безпорядковъ 7 Мая 1901 года на Обуховскомъ заводѣ происходила уже негласная пропаганда на почвѣ экономическихъ отношеній рабочихъ къ капиталистамъ, выразившаяся въ распространеніи на этомъ заводѣ прокламацій среди рабочихъ (показанія генералъ маіора Власьевскаго).

ева, Ивана Павлова и др.). Засимъ, какъ уже установлено въ началѣ настоящаго приговора, наличность въ настоящемъ дѣлѣ общихъ экономическихъ враждебныхъ отношеній фабричныхъ рабочихъ, побудившихъ образовавшееся 7 Мая 1901 года скопище къ совершенію вышеописанныхъ насилій, устанавливается тѣми, чисто экономическаго свойства, требованіями, которыя въ началѣ образованія скопища были предъявлены толпою рабочихъ въ 150 человѣкъ, во дворѣ Обуховскаго завода начальнику этого завода генералъ маіору Власьеву, а именно: введенія восьмичасоваго труда, уничтоженія ночныхъ работъ и увеличенія заработной платы, и, независимо отъ сего тѣми криками, которыя раздавались не только въ это время, но и во время безпорядковъ, продолжавшихся толпою на улицѣ „долой капиталистовъ", „намъ нужна свобода", „наше отечество тамъ, гдѣ хлѣбъ" и т. п., изъ чего ясно единство воли и настроенія всѣхъ участниковъ скопища. — По всѣмъ вышеприведеннымъ соображеніямъ Особое Присутствіе находитъ, что судебнымъ слѣдствіемъ по настоящему дѣлу вполнѣ доказано и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что 7 Мая 1901 года рабочіе Обуховскаго сталелитейнаго завода морскаго вѣдомства въ селѣ Александровскомъ, Шлиссельбургскаго участка города С.Петербурга, изъ побужденій, возникшихъ подъ вліяніемъ пропаганды на почвѣ экономическихъ отношеній рабочихъ къ капиталистамъ и неудовольствія распоряженіями начальства завода, собравшись толпою до 150 человѣкъ во дворѣ завода послѣ обѣденнаго перерыва, предъявили къ начальству завода требованія: о принятіи расчитанныхъ въ первыхъ числахъ того же Мая мѣсяца рабочихъ за прогулъ, установленіи восьмичасоваго рабочаго дня, уничтоженіи ночныхъ работъ, увеличеніи заработной платы, установленіи празднованія дня 1 Мая, а затѣмъ, тогда же, самовольно давъ тревожный гудокъ о прекращеніи работъ и заставляя угрозами прекращать работы въ мастерскихъ ихъ продолжавшихъ, вызвали общую остановку дѣйствій завода и, собравшись толпою, направились съ крикомъ „ура", гиканьемъ и свистомъ со двора завода на Шлиссельбургскій проспектъ, гдѣ, отказываясь подчиниться требованіямъ полицейскихъ властей объ очищеніи проспекта и соединившись съ посторонними лицами, къ нимъ примкнувшими, будучи объединены единствомъ побужденій, вызвавшихъ образованіе скопища, произвели тамъ же: рядъ безпорядковъ, нападеній на рабочихъ, запоздавшихъ прекращеніемъ работъ на заводѣ и насилій надъ полицейскими чинами, водворявшими порядокъ, съ шести же часовъ вечера, по окончаніи работъ на сосѣднихъ: карточной фабрикѣ и Александровскомъ заводѣ, сплотившись съ другими рабочими, примкнувшими къ нимъ изъ сочувствія побужденіямъ, вызвавшимъ самовольную остановку работъ на Обухо-

вскомъ заводѣ, образовали скопище изъ массы людей въ нѣсколько тысячъ, совокупными силами произвели насильственное противодѣйствіе вооруженнымъ отрядамъ полиціи и воинскимъ командамъ, призваннымъ для ихъ разсѣянія — отбивая ихъ бросавшимися изъ толпы, дворовъ и домовъ камнями, во время чего нѣкоторымъ полицейскимъ чинамъ были нанесены тѣлесныя поврежденія и побои, — пока, наконецъ, не были разсѣяны выстрѣлами вызванной начальствомъ военно-морской команды. Преступленіе это, какъ выше уже установлено, предусмотрѣно 2 ч. 269і ст. улож. о нак. Обращаясь засимъ къ разсмотрѣнію того фактическаго матеріала, который добытъ судебнымъ слѣдствіемъ въ отношеніи виновности каждаго изъ преданныхъ суду по настоящему дѣлу подсудимыхъ въ отдѣльности, Особое Присутствіе находитъ, что изъ числа всѣхъ подсудимыхъ, прежде всего должны быть выдѣлены: Анатолій Ермаковъ, Константинъ Стефанъ, Константинъ Мѣдянцевъ, Ефремъ Дахинъ, Иванъ Соловьевъ (онъ же Яблочкинъ) и Анатолій Гавриловъ. Всѣ эти подсудимые должны быть признаны виновными не только въ томъ, что они изъ побужденій и при обстоятельствахъ, указанныхъ выше, сознательно примкнувъ къ образовавшемуся 7 Мая 1901 года скопищу, приняли непосредственное участіе въ безпорядкахъ и оказанномъ соединенными силами скопища насильственномъ противодѣйствіи вооруженной силѣ, призванной для его разсѣянія, но и въ томъ, что они были въ числѣ руководителей этого скопища,— причемъ вполнѣ изобличаются въ этомъ слѣдующими данными:

I. Анатолій Ермаковъ, рабочій Обуховскаго завода. Свидѣтельница Прасковья Михайлова, подручная въ казенной винной лавкѣ въ селѣ Александровскомъ, во всѣхъ частяхъ подтвердившая на судѣ показаніе, данное ею на предварительномъ слѣдствіи, удостовѣрила, что въ день безпорядковъ 7-го Мая 1901 года она, находясь на Шлиссельбургскомъ проспектѣ близъ шлагбаумовъ, встрѣтила Ермакова, котораго она знала уже раньше. Ермаковъ сказалъ ей „зачѣмъ вы заперли казенки, мы бы выпили для храбрости“ и вслѣдъ затѣмъ, отойдя отъ нея сейчасъ же обратился къ толпѣ, взмахнулъ руками и закричалъ: „камни бросать“. По словамъ свидѣтельницы, тотчасъ, какъ по сигналу, посыпался со всѣхъ сторонъ въ полицейскихъ изъ толпы настоящій градъ камней. Далѣе, по удостовѣренію той же свидѣтельницы, въ квартирѣ Ермакова бывали разныя прокламаціи, а со словъ его сестры, съ которой она была хорошо знакома, она знаетъ, что Ермаковъ ходилъ 22 Апрѣля на Невскій проспектъ, причемъ у него былъ припасенъ и красный флагъ. Послѣднее объясненіе свидѣтельницы Михайловой, указывающее на занятіе Ермакова революціонною пропагандою, нашло себѣ подтвержденіе и въ оглашенной на судѣ,

по ходатайству Товарища Прокурора, справки, изъ которой усматривается, что Ермаковъ привлеченъ въ настоящее время въ качествѣ обвиняемаго по 250 и 252 ст. улож. о наказ. Подсудимый Ермаковъ пытался на судѣ умалить правдивость показанія свидѣтельницы Михайловой, совершенно голословно указывая на то, что Михайлова показываетъ на него по злобѣ, такъ какъ считалась его невѣстой, но онъ съ нею разошелся. Вышеприведенныя фактическія данныя приводятъ Особое Присутствіе къ несомнѣнному убѣжденію въ томъ, что подсудимый Ермаковъ былъ участникомъ скопища 7-го Мая 1901 года, руководилъ этимъ скопищемъ при учиненіи насильственнаго противодѣйствія вооруженной силѣ, призванной для разсѣянія сего скопища.

2. Константинъ Стефанъ, уволенный съ Обуховскаго завода за прогулъ 1 Мая 1901 года, равнымъ образомъ изобличается въ качествѣ руководителя скопищемъ, описаннымъ выше, такъ какъ виновность его въ этомъ вполнѣ доказана показаніями свидѣтелей Максимова и Чугунова. Свидѣтель Максимовъ удостовѣрилъ, что подсудимый Стефанъ былъ во главѣ толпы, выбѣжавшеи на встрѣчу полицейскимъ чинамъ изъ Церковнаго переулка, звалъ толпу за собой, бросалъ въ полицію камнями, обругалъ околоточнаго надзирателя Трубецкаго и, обращаясь къ нему закричалъ: „подождите, вотъ какъ соберутся наши рабочіе, такъ мы вамъ покажемъ наши порядки“. Свидѣтель же Чугуновъ объяснилъ, что въ день безпорядковъ онъ видѣлъ подсудимаго Стефана нѣсколько разъ: онъ бросалъ камнями въ полицію и подбодрялъ окружавшихъ его товарищей быть смѣлѣе. Что касается показанія на судѣ свидѣтелей Сергѣя Телибинина и Маріи Силиной, допрошенныхъ по ходатайству подсудимаго Стефана, то, по мнѣнію Особаго Присутствія, показанія ихъ едва-ли могутъ въ чемъ либо поколебать правдивость показаній свидѣтелей Максимова и Чугунова, такъ какъ Телибининъ и Силина удостовѣрили лишь, что видѣли Стефана послѣ 7 часовъ вечера, Телибининъ — неотходящимъ отъ окна его квартиры, а Силина — спящимъ дома, т. е. въ то время, когда произведенныя скопищемъ насильственныя дѣйствія и буйство стали уже утихать.

3. Константинъ Мѣдянцевъ, рабочій Путиловскаго завода, также изобличается въ томъ, что былъ участникомъ скопища 7-го Мая 1901 года, руководившимъ его насильственными противъ полиціи и вооруженныхъ командъ дѣйствіями, описанными выше, причемъ Особое Присутствіе находитъ, что подсудимый Мѣдянцевъ въ виду особой дерзости своего поведенія, не смотря на несовершеннолѣтній возрастъ, не можетъ быть признанъ лицомъ вовлеченнымъ въ упомянутое преступленіе. Подсудимый Мѣдянцевъ изобличается показаніями цѣлаго ряда свидѣтелей. Такъ, свидѣ-

тель Михаилъ Халдеевъ, вполнѣ подтвердившій свое показаніе, данное на предварительномъ слѣдствіи, удостовѣрилъ, что подсудимый Мѣдянцевъ, въ то время, когда полиція хотѣла разломать ворота, ведущіе во дворъ флигелей карточной фабрики, кидалъ въ полицію камнями, а затѣмъ, когда полицейскіе чины остановились въ переулкѣ около завода, тѣснимые толпой,—Мѣдянцевъ находился впереди этой толпы, кидая въ полицейскихъ чиновъ камнями. Свидѣтель Викторъ Степаненко, объяснилъ, что еще до того времени, когда въ полицію стали бросать камнями, онъ видѣлъ Мѣдянцева среди другихъ, отличавшихся особымъ буйствомъ рабочихъ, возбуждавшимъ народъ противъ полиціи и кричавшимъ „братцы, не поддавайтесь, намъ ничего не значатъ ни полиція, ни солдаты“. Равнымъ образомъ и свидѣтели Максимовъ и Чугуновъ показали, что видѣли подсудимаго Мѣдянцева во главѣ толпы рабочихъ, бросавшаго въ полицію камнями, а свидѣтель Келинъ удостовѣрилъ, что Мѣдянцевъ былъ въ числѣ лицъ, покушавшихся разнести портерную и винную лавки.

4. Ефремъ Дахинъ,—рабочій Александровскаго (Бердова) завода безусловно изобличается въ участіи въ качествѣ руководителя, въ вышеописанномъ преступномъ скопищѣ. Еще до учиненія означеннымъ скопищемъ насильственныхъ дѣйствій, выразившихся, между прочимъ, въ бросаніи камнями въ полицію, жандармовъ и воинскую команду, свидѣтели Страховичъ и Остроманскій, какъ они удостовѣрили это на судѣ, видѣли подсудимаго Дахина уговаривавшимъ толпу рабочихъ не расходиться, причемъ Остроманскій видѣлъ впослѣдствіи Дахина около шлагбаумовъ въ толпѣ, изъ которой бросали камни въ полицію. Засимъ свидѣтель Халдеевъ видѣлъ Дахина среди толпы, напавшей на околоточнаго надзирателя Костюшко-Валюжинина, причемъ онъ возбуждалъ рабочихъ, крича: „что же, братцы, неужели мы не постоимъ за своихъ, возьмемся же за дѣло“; впослѣдствіи тотъ же свидѣтель видѣлъ, какъ Дахинъ, стоя у забора флигелей карточной фабрики, кидалъ въ полицію камнями и подтвердилъ на судѣ, что, по задержаніи Дахина у послѣдняго, при обыскѣ, былъ найденъ въ карманѣ камень. Далѣе свидѣтель Степаненко, подтверждая показаніе, данное имъ на предварительномъ слѣдствіи, объяснилъ, что подсудимый Дахинъ особенно отличался во время возникновенія безпорядковъ: ходилъ, махая тростью на полицію и на солдатъ, желая задѣть ихъ, чтобы кто нибудь затронулъ его и кричалъ: „братцы, не поддавайтесь, намъ ничего не значитъ ни полиція, ни солдаты“.—Свидѣтель Максимовъ, подтверждая показаніе свидѣтеля Степаненко, удостовѣрилъ кромѣ того, что подсудимый Дахинъ ударилъ палкой по спинѣ чиновника полицейскаго резерва Войко, а во время возникшихъ безпорядковъ былъ впереди толпы, подстре-

кая ее и кричалъ: „наша возьметъ“; послѣднюю часть показанія Максимова вполнѣ подтвердилъ и свидѣтель Щипаревъ. Наконецъ свидѣтель Чугуновъ объяснилъ, что въ день безпорядковъ онъ видѣлъ подсудимаго Дахина нѣсколько разъ бросавшимъ камнями въ полицію. — 5. — Иванъ Соловьевъ (онъ-же Яблочкинъ), не имѣвшій опредѣленныхъ занятій, — равнымъ образомъ достаточно изобличается въ качествѣ участника-руководителя вышеописаннаго скопища. — По удостовѣренію свидѣтелей Халдеева, Максимова, Щипарева и Чугунова подсудимый Соловьевъ былъ во главѣ толпы и кидалъ въ полицію камнями, а впослѣдствіи „засѣлъ“ во дворѣ флигелей карточной фабрики, откуда бросалъ камнями въ полицію; по показанію-же Келина, подсудимый Соловьевъ, вмѣстѣ съ другими рабочими, покушался на разгромленіе пивной и казенной винной лавокъ; и 6. — Анатолій Гавриловъ, — не имѣвшій опредѣленныхъ занятій, — по показаніямъ свидѣтелей Павлова и Келина еще ранѣе безпорядковъ 7-го Мая 1901 года, занимался распространеніемъ на Обуховскомъ заводѣ прокламацій и, по удостовѣренію оглашенной на судѣ, представленной Товарищемъ Прокурора, справки, привлеченный въ настоящее время въ качествѣ обвиняемаго въ революціонной пропагандѣ по ст. 250 и 252 улож. о нак., — изобличается въ качествѣ руководителя преступнымъ скопищемъ, имѣвшимъ мѣсто 7 Мая 1901 года, показаніями на судѣ свидѣтелей Г. Келина, — объяснившаго, что въ день безпорядковъ онъ дважды видѣлъ Гаврилова: въ первый разъ въ третьемъ часу дня, когда Гавриловъ бросилъ въ свидѣтеля сначала бутылкой, а потомъ камнемъ, побуждая къ тому и другихъ рабочихъ, а второй разъ въ седьмомъ часу вечера, когда Гавриловъ не только руководилъ толпою бросавшею въ полицію камнями, но и самъ бросалъ таковыми; 2, Щипарева, — подтвердившаго показаніе, данное имъ на предварительномъ слѣдствіи о томъ, что Гавриловъ все время безпорядковъ находился во главѣ толпы, бросавшей камни и особенно отличался при этомъ своею дерзостью, и 3, Бродовскаго, удостовѣрившаго, что онъ слышалъ какъ Гавриловъ подстрекалъ толпу бросать камни, причемъ видѣлъ, какъ онъ повелъ толпу къ Петровскому переулку и какъ изъ этой толпы потомъ посыпались камни. — Переходя засимъ ко второй группѣ подсудимыхъ, изобличаемыхъ лишь въ участіи въ установленномъ выше скопищѣ 7 Мая 1901 года, сознательно къ нему примкнувшихъ и принявшихъ непосредственное участіе въ безпорядкахъ и оказанномъ соединенными силами скопища насильственномъ противодѣйствіи вооруженной силѣ, призванной для его разсѣянія, — Особое Присутствіе находитъ, что къ числу подсудимыхъ этой группы должны быть отнесены I. — Александръ Александровъ, не имѣвшій опредѣленныхъ занятій, по показаніямъ сви-

дѣтелей Максимова, Щипарева и Чугунова бросавшій въ полицію камнями. — Подсудимый Александровъ, по обвинительному акту, былъ причисленъ къ лицамъ, руководившимъ преступнымъ скопищемъ, имѣвшимъ мѣсто 7 Мая 1901 г., но Особое Присутствіе находитъ, что произведенное по настоящему дѣлу судебное слѣдствіе не дало достаточныхъ фактическихъ данныхъ къ признанію Александрова руководителемъ скопища, при учиненіи насильственнаго противодѣйствія вооруженной силѣ или подстрекателемъ къ учиненію или продолженію сего противодѣйствія; — 2. — Александръ Зайцевъ, рабочій Обуховскаго завода, — согласно точному и опредѣленному показанію свидѣтеля Ивана Голубева „съ особымъ азартомъ“ бросалъ камнями въ полицію. — Спрошенные на судѣ, по ходатайству подсудимаго Зайцева, свидѣтели: Евдокія и Екатерина Гумазовы и Маркъ Шамаринъ, въ сущности ничего, въ опроверженіе правдиваго показанія свидѣтеля Голубева, не удостовѣрили. Свидѣтельница Евдокія Гумазова объяснила, что пришла къ подсудимому Зайцеву въ пятомъ часу дня, застала его дома и пробыла у него съ четверть часа; Екатерина Гумазова, — что она была въ домѣ, гдѣ живетъ Зайцевъ, въ пять часовъ дня, оставалась тамъ около часа и видѣла въ это время Зайцева ходившимъ по корридору съ ребенкомъ, а Шамарина, — что ничего дурнаго про подсудимаго Зайцева сказать не можетъ и что не помнитъ, чтобы видѣла его 7 Мая.—3. Александръ Калининъ, рабочій Обуховскаго завода. — Свидѣтель подполковникъ Ивановъ удостовѣрилъ на Судѣ, что онъ съ увѣренностью признаетъ подсудимаго Калинина, котораго хорошо помнитъ вслѣдствіе его дерзкаго, задирчиваго поведенія еще въ началѣ безпорядковъ, во дворѣ Обуховскаго завода; по словамъ свидѣтеля, именно Калининъ выступилъ изъ толпы, подбоченясь и, сказавъ „такъ я скажу“ — сталъ излагать требованія толпы какъ ему, свидѣтелю, такъ и начальнику завода Власьеву о повышеніи заработной платы, восьмичасовой работѣ и проч., при чемъ велъ себя непозволительно дерзко. — Засимъ свидѣтель Чугуновъ объяснилъ, что онъ видѣлъ какъ Калининъ бросалъ камнями въ полицію. Достовѣрность этихъ показаній ничѣмъ со стороны подсудимаго Калинина не опровергнута. — Спрошенная, по просьбѣ подсудимаго, свидѣтельница Наталья Горбатова удостовѣрила лишь, что подсудимый былъ у нея въ седьмомъ часу вечера 7 Мая 1901 года, каковое обстоятельство, несомнѣнно, не исключало возможности участія Калинина въ преступномъ скопищѣ, имѣвшемъ мѣсто того же 7 Мая. — 4. Захаръ Анисимовъ (онъ-же Андреевъ), рабочій Обуховскаго завода. — Свидѣтель Чугуновъ удостовѣрилъ, что онъ видѣлъ какъ подсудимый бросалъ камнями въ полицію, а свидѣтель Максимовъ подтвердилъ, что подсудимый Анисимовъ, въ числѣ дру-

гихъ рабочихъ, бѣжалъ впереди наступавшей на полицейскихъ чиновъ толпы, съ крикомъ, въ то время, когда чины эти отступали въ переулокъ, при чемъ изъ этой толпы въ полицію сыпались градомъ камни. — Въ опроверженіе приведенныхъ показаній свидѣтелей Чугунова и Максимова, въ правдивости которыхъ Особое Присутствіе не сомнѣвается, свидѣтели, спрошенные по ходатайству подсудимаго Анисимова: жена его Александра Павлова, отецъ — Анисимъ Андреевъ, дядя Созонтъ Васильевъ и знакомая Акулина Рябова, въ сущности ничего въ пользу его невиновности не показали. Особое Присутствіе находитъ, что по настоящему дѣлу безусловно не доказано, чтобы свидѣтели Максимовъ и Чугуновъ имѣли какое бы то ни было основаніе облыжно обвинять подсудимаго Анисимова, вслѣдствіе чего нельзя признать внушающими къ себѣ довѣріе показанія вышеназванныхъ свидѣтелей о томъ, что подсудимый Анисимовъ, по прекращеніи работъ на Обуховскомъ заводѣ, все время былъ дома и никакого участія въ приписываемомъ ему преступленіи принимать не могъ.

5. Павелъ Константиновъ, рабочій Обуховскаго завода, по показанію свидѣтелей: Щипарева — засѣлъ во дворѣ флигелей карточной фабрики, откуда бросали камнями въ полицію, а затѣмъ, когда полиція должна была отступить къ Петровскому переулку, вышелъ изъ калитки и бросалъ въ нее камнями, причемъ съ крикомъ шелъ впереди толпы, и Чугунова — бросалъ камни въ полицію. — Въ опроверженіе показаній этихъ свидѣтелей по просьбѣ подсудимаго Константинова были допрошены на судѣ свидѣтели: Евгенія Антопова, Варвара Боголѣпова, Надежда Малоземова, Матрена Гаврилова и Дарья Яковлева. Всѣ онѣ однако же ничего, служащаго къ оправданію подсудимаго Константинова, не показали, объясняя лишь вполнѣ голословно, что подсудимый, во время безпорядковъ, былъ дома и никуда не отлучался.

6. Дмитрій Ситниковъ, рабочій Обуховскаго завода, по показанію свидѣтеля Щипарева, засѣлъ во дворѣ флигелей карточной фабрики, откуда бросали въ полицію камнями, а, затѣмъ, когда полиція отступила, въ виду сыпавшагося на нее града камней, съ крикомъ шелъ во главѣ наступавшей на полицію толпы, а по удостовѣренію свидѣтеля Чугунова, бросалъ въ полицію камнями. Свидѣтели Дарья Иванова, Варвара Милѣшина и Надежда Матвѣева, спрошенныя на судѣ по просьбѣ подсудимаго Ситникова ничего существеннаго въ оправданіе его не удостовѣрили и во всякомъ случаѣ не поколебали правдивости показаній свидѣтелей Щипарева и Чугунова. Дарья Иванова объяснила, что когда она вечеромъ заходила къ Ситниковымъ, то застала всю семью сидящею за чаемъ, она посидѣла немного, а за тѣмъ ушла, Ситниковъ же легъ на диванъ; Варвара Милѣшина — что въ восьмомъ

часу вечера она вбѣжала въ квартиру Ситниковыхъ, куда вслѣдъ за нею вошло двое городовыхъ и взяли Ситникова съ дивана, гдѣ онъ спокойно лежалъ, а Надежда Матвѣева — что заходила въ квартиру Ситниковыхъ въ четвертомъ часу и съ тѣхъ поръ не видала его до того времени, когда его забрали. Очевидно ни одно изъ этихъ объясненій не исключаетъ возможности участія подсудимаго Ситникова въ вышеописанномъ преступленіи, точно установленнаго показаніями свидѣтелей — очевидцевъ Щипарева и Чугунова.

7. Михаилъ Федоровъ, рабочій Обуховскаго завода; свидѣтель Чугуновъ удостовѣрилъ, что видѣлъ подсудимаго Федорова бросающимъ камни въ полицію, а изъ прочитаннаго на судѣ показанія свидѣтеля Швейновскаго усматривается, что Федоровъ находился въ толпѣ народа, стоявшей на трактѣ около переулка, въ которомъ находилась полиція. Онъ шнырялъ по толпѣ рабочихъ и бросалъ въ полицію камнями, выбѣгая изъ толпы и что то крича.

Признавая посему подсудимаго Федорова виновнымъ въ участіи въ преступномъ скопищѣ, описанномъ выше и образовавшемся 7 Мая 1901 года, Особое Присутствіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, находитъ, что по обстоятельствамъ настоящаго дѣла, выясненнымъ на судѣ, представляется доказаннымъ, что подсудимый Федоровъ, будучи несовершеннолѣтнимъ, вовлеченъ въ это преступленіе лицами совершеннолѣтними.

8. Дмитрій Кокушкинъ, рабочій Обуховскаго завода, — по показанію свидѣтеля Чугунова бросалъ въ полицію камнями, а оглашеннымъ на судѣ показаніемъ свидѣтеля Швейновскаго удостовѣрено, что подсудимый Кокушкинъ, вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ подсудимымъ Федоровымъ, находился въ толпѣ народа, стоявшей на трактѣ около переулка, въ которомъ находилась полиція; онъ также какъ и Федоровъ „шнырялъ“ по толпѣ рабочихъ и бросалъ въ полицію камнями, выбѣгая изъ толпы и что то крича. Въ опроверженіе этихъ показаній, въ доказательство того обстоятельства, что подсудимый Кокушкинъ во время безпорядковъ 7 Мая 1901 года все время безотлучно находился дома, по просьбѣ Кокушкина были вызваны и допрошены на судѣ свидѣтельницы сестра его Марія Царева и Серафима Пискарева. Между тѣмъ свидѣтельницы эти объясненія подсудимаго не удостовѣрили, показавъ — Марія Царева — что она пришла къ Кокушкину въ 7 часовъ вечера и не знаетъ когда пришелъ ея братъ, а Серафима Пискарева, утверждая, что Кокушкинъ былъ все время дома и никуда не отлучался, объяснила, однакоже, что она пришла къ нему въ 6 часовъ вечера, а ранѣе его не видала.

Признавая, вслѣдствіе сего, подсудимаго Кокушкина виновнымъ въ выше описанномъ преступленіи, Особое Присутствіе вмѣстѣ съ

тѣмъ находитъ, что по обстоятельствамъ дѣла, подсудимый, въ виду его несовершеннолѣтія, былъ вовлеченъ въ это преступленіе лицомъ совершеннолѣтнимъ.

9. Дмитрій Вересовъ, рабочій Обуховскаго завода; по показанію свидѣтеля Максимова, подсудимый наступалъ на полицію и бросалъ въ нее камнями, а по показанію свидѣтеля Чугунова — Вересовъ былъ въ толпѣ, изъ которой въ полицію бросали камнями. Въ опроверженіе этихъ показаній, по ходатайству подсудимаго Вересова, была спрошена на судѣ свидѣтельница Наталія Горбатова, удостовѣрившая одноко, что Вересовъ былъ у нея въ седьмомъ часу вечера, что, несомнѣнно, не исключало возможности участвовать подсудимому въ описанныхъ безпорядкахъ до того времени. Признавая такимъ образомъ подсудимаго Вересова виновнымъ во вмѣняемомъ ему въ вину преступленіи, Особое Присутствіе вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ, что и въ отношеніи этого подсудимаго, несовершеннолѣтняго во время совершенія имъ преступленія, по обстоятельствамъ дѣла представляется доказаннымъ, что онъ былъ въ это преступленіе вовлеченъ лицомъ совершеннолѣтнимъ.

10. Василій Багровъ, неимѣвшій никакихъ занятій; свидѣтель Пархимовичъ удостовѣрилъ, что видѣлъ Багрова около шлагбаумовъ въ то время, когда еще не бросали камнями въ полицію; онъ былъ въ толпѣ, кричалъ и „озорничалъ“, а свидѣтели Беньковскій и Матеюнасъ, признавъ на судѣ подсудимаго Багрова, показали, что на другой день безпорядковъ 7 Мая 1901 года Багровъ разсказывалъ имъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ народъ безчинствовалъ и бросалъ камнями въ полицію и войска, а на вопросъ Беньковскаго, что онъ, Багровъ, самъ дѣлалъ, отозвался, что онъ также не бездѣйствовалъ, а бросалъ въ полицейскихъ камнями, причемъ однимъ камнемъ попалъ въ лошадь городового, а затѣмъ швырнулъ камнемъ въ полковника съ длинной черной бородой и попалъ ему въ голову, такъ что полковникъ упалъ и при этомъ шапка у него слетѣла съ головы, а кто то другой изъ толпы въ это же время попалъ камнемъ полковнику въ ногу.

11. Николай Чирковъ — рабочій Александровскаго (Бердова) завода; по показанію свидѣтеля Максимова, удостовѣрившаго, что онъ хорошо зналъ въ лицо Николая Чиркова, послѣдній бѣжалъ впереди наступавшей на полицію толпы съ крикомъ, и изъ этой толпы въ полицію градомъ сыпались камни; послѣднее обстоятельство вполнѣ подтвердилъ и свидѣтель Чугуновъ.

12. Евдокимъ Трушинъ, рабочій Александровскаго (Бердова), завода—изобличается въ участіи въ вышеописаномъ преступномъ скопищѣ показаніями свидѣтелей очевидцевъ Максимова и Чугунова. Первый изъ этихъ свидѣтелей удостовѣрилъ, что онъ зналъ въ

лицо Трушина и видѣлъ его въ день безпорядковъ бѣжавшимъ впереди наступавшей на полицію толпы, съ крикомъ, причемъ изъ этой толпы градомъ сыпались въ полицію камни, а второй, подтверждая показаніе Максимова, объяснилъ, что видѣлъ подсудимаго Трушина въ толпѣ, откуда въ нихъ, полицейскихъ, бросали камнями.

Признавая посему подсудимаго Трушина виновнымъ въ приписываемомъ ему преступленіи, Особое Присутствіе находитъ, однако же, что подсудимый какъ несовершеннолѣтній, по обстоятельствамъ дѣла, долженъ быть признанъ вовлеченнымъ въ это преступленіе лицомъ совершеннолѣтнимъ.

13. Виталій Соколовъ, рабочій Александровскаго (Бердова) завода; по показанію свидѣтеля Максимова, знавшаго подсудимаго Соколова въ лицо, онъ видѣлъ его въ день безпорядковъ впереди толпы, наступавшей на полицію, причемъ изъ этой толпы градомъ сыпались на полицію камни; тоже самое подтвердилъ и свидѣтель-очевидецъ безпорядковъ Чугуновъ. Изъ показаній допрошенныхъ на судѣ, по просьбѣ подсудимаго Соколова, свидѣтельницъ Надежды Ивановой и Аграфены Шумковой — его квартирной хозяйки, усматривается, что въ опроверженіе вышеприведенныхъ показаній свидѣтелей Максимова и Чугунова, онѣ ничего, исключающаго виновность Соколова въ приписываемомъ ему преступленіи, удостовѣрить не могли. Надежда Иванова показала, что Виталія Соколова она знаетъ, но 7 Мая его не видѣла, а Аграфена Шумкова, что Соколовъ пришелъ домой въ 6 часовъ вечера, пилъ чай, черезъ полъ часа ужиналъ, а затѣмъ ушелъ изъ дома и болѣе домой уже не возвращался.

14. Александръ Щербаковъ, не имѣвшій никакихъ занятій, — по показанію свидѣтеля Максимова наступалъ на полицію въ толпѣ рабочихъ, причемъ изъ этой толпы въ полицейскихъ чиновъ сыпался градъ камней, а по показанію свидѣтеля Чугунова Щербаковъ бросалъ камнями въ полицію. Вызванныя и допрошенныя по просьбѣ подсудимаго Щербакова свидѣтельницы мать его Аграфена Щербакова и Александра Голубева, удостовѣрили лишь, что видѣли его дома въ 6 часовъ вечера.

15. Александръ Тарасовъ, опредѣленныхъ занятій не имѣлъ, — свидѣтель Максимовъ удостовѣрилъ, что зналъ подсудимаго въ лицо и видѣлъ, какъ онъ бѣжалъ впереди наступавшей на полицію толпы, съ крикомъ, въ то время, какъ полиція отступала, причемъ изъ этой толпы въ нее градомъ сыпались камни, а свидѣтель Щипаревъ показалъ, что подсудимый Тарасовъ засѣлъ во дворѣ флигелей карточной фабрики, откуда въ полицію бросали камнями, когда полиція стала отступать къ Петровскому переулку, Тарасовъ выходилъ изъ калитки на проспектъ и бросалъ въ

полицію камни, а когда вся толпа, выйдя на проспектъ стала наступать на полицію, то Тарасовъ вмѣстѣ съ другими лицами шелъ впереди толпы.

Спрошенные на судѣ, по ходатайству о томъ подсудимаго Тарасова, свидѣтели Василій Воронинъ и Иванъ Афанасьевъ ничего въ доказательство невиновности его не удостовѣрили, такъ какъ объяснили лишь, что встрѣтили его въ Троицкомъ переулкѣ уже въ девятомъ или десятомъ часу вечера, о томъ, что происходило на Шлиссельбургскомъ проспектѣ не разговаривали, а потомъ Афанасьевъ пошелъ съ Тарасовымъ въ Обуховскую покойницкую смотрѣть убитаго человѣка.

16. Александръ Богдановъ, не имѣвшій опредѣленныхъ занятій; по показанію свидѣтеля Максимова, подсудимый, котораго свидѣтель знаетъ въ лицо, бѣжалъ впереди наступавшей на полицію толпы, съ крикомъ, причемъ изъ этой толпы въ полицію градомъ сыпались камни, а по показанію свидѣтеля Чугунова, онъ самъ видѣлъ, какъ подсудимый Богдановъ, въ то время когда полиція была въ переулкѣ, бросалъ въ нее камнями.

17. Семенъ Машистовъ, не имѣвшій никакихъ занятій, — изобличается показаніями свидѣтелей Максимова и Чугунова; первый изъ нихъ удостовѣрилъ, что зная подсудимаго Машистова въ лицо, видѣлъ какъ онъ бѣжалъ впереди толпы, наступавшей на полицейскихъ чиновъ, причемъ изъ этой толпы градомъ сыпались въ полицію камни, и второй — что видѣлъ подсудимаго въ толпѣ, изъ которой бросали камнями въ полицію.

18. Михаилъ Кирилловъ, — никакихъ занятій не имѣлъ. Виновность этого подсудимаго находитъ себѣ полное подтвержденіе въ показаніяхъ тѣхъ же свидѣтелей Максимова и Чугунова. Первый изъ нихъ видѣлъ подсудимаго бѣжавшимъ впереди толпы, изъ которой градомъ сыпались въ полицію камни, а второй видѣлъ его также въ толпѣ, которая бросала камнями въ полицію. Въ доказательство своей невинности подсудимый Кирилловъ сослался на свидѣтельницъ Любовь и Ульяну Ивановыхъ, показанія которыхъ, данныя на судѣ, едва ли заслуживаютъ какого либо довѣрія, такъ какъ Любовь Иванова объяснила, что Кирилловъ никуда не уходилъ изъ дома 7 Мая 1901 года, пока его не забрали, а Ульяна Иванова, что онъ пришелъ къ нимъ въ 6 часовъ вечера и сидѣлъ со своей невѣстой, пока не пришла полиція и не забрала его.

19. Тимофей Завалишинъ, не имѣвшій опредѣленныхъ занятій, вполнѣ изобличается въ участіи въ скопищѣ, образовавшемся 7 Мая 1901 года, заслуживающимъ полнаго довѣрія показаніемъ свидѣтеля Ивана Голубева, прикащика мясной лавки по проспекту села Александровскаго, признавшаго подсудимаго какъ на

предварительномъ слѣдствіи, такъ и на судѣ. Согласно показанію этого свидѣтеля, Завалишинъ, котораго свидѣтель и раньше хорошо зналъ, во время безпорядковъ, возникшихъ около шлагбаумовъ, бросилъ камень, мѣтя въ жандармскаго офицера, молодого блондина въ очкахъ, но въ офицера промахнулся, а попалъ въ его лошадь. Въ виду этого, показанія спрошенныхъ на судѣ, по ходатайству подсудимаго Завалишина, свидѣтельницъ Анны Евстигнѣевой и Натальи Петровой, удостовѣрившихъ, что онѣ были въ 5 часовъ пополудни у Завалишина, застали его пьющимъ чай съ женой, причемъ онъ никуда изъ дома не отлучался, — не заслуживаютъ, по мнѣнію Особаго Присутствія никакого довѣрія.

Засимъ, къ числу подсудимыхъ, изобличаемыхъ въ томъ, что они 7-го Мая 1901 года изъ сочувствія побужденіямъ, указаннымъ выше и при обстоятельствахъ описанныхъ выше, сознательно примкнувъ къ скопищу, способствовали оказанному соединенными силами скопища насильственному противодѣйствію вооруженой силѣ, призванной для его разсѣянія, тѣмъ, что доставляли участникамъ скопища камни, бросавшіеся въ вооруженныя команды, — должны быть отнесены :

I. Марфа Яковлева, работница на карточной фабрикѣ; подсудимая, какъ объ этомъ уже упомянуто выше, признала себя виновною въ означенномъ преступленіи и это сознаніе ея представляется вполнѣ согласнымъ съ показаніями на судѣ свидѣтелей Леонида Петерса и Андрея Гаврилова. Что касается затѣмъ вопроса о томъ, была ли подсудимая Яковлева, въ виду ея несовершеннолѣтія, вовлечена въ это преступленіе лицомъ совершеннолѣтнимъ, то, по мнѣнію Особаго Присутствія вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшенъ отрицательно. Подсудимая Яковлева дѣйствовала вполнѣ сознательно, потому что, какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и на судѣ, признавая себя виновною въ приписываемомъ ей преступленіи, она прямо заявила, что дѣйствовала такъ изъ сочувствія къ рабочимъ : въ виду этого, не смотря на ея несовершеннолѣтіе, не можетъ быть и рѣчи о вовлеченіи ея въ упомянутое преступленіе лицомъ совершеннолѣтнимъ.

и 2. Лидія Бурчевская, — работница на карточной фабрикѣ; свидѣтель Леонидъ Петерсъ, завѣдующій домами вѣдомства императрицы Маріи, удостовѣрилъ на судѣ, что 7-го Мая 1901 года, по прекращеніи безпорядковъ онъ слышалъ отъ дворниковъ флигелей карточной фабрики, что подсудимая Бурчевская принимала дѣятельное участіе въ безпорядкахъ, выбирая камни изъ мостовой дворовъ и подавая ихъ тѣмъ лицамъ, которыя бросали камни въ чиновъ полиціи, а свидѣтель Андрей Гавриловъ показалъ, что онъ былъ очевидцемъ того, какъ Бурчевская, въ подолѣ платья, относила камни къ тѣмъ, которые швыряли камнями въ полицію.

Признавая вслѣдствіе сего подсудимую Лидію Бурчевскую виновною въ предъявленномъ къ ней обвиненіи, Особое Присутствіе находитъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что по обстоятельствамъ настоящаго дѣла подсудимую въ виду ея несовершеннолѣтія слѣдуетъ считать вовлеченною въ это преступленіе лицомъ совершеннолѣтнимъ.

Обращаясь засимъ къ предъявленнымъ къ подсудимому Афанасію Красулину, рабочему Обуховскаго завода, обвиненіямъ: 1, въ томъ, что 7 Мая 1901 года, изъ побужденій и при описанныхъ выше обстоятельствахъ, сознательно примкнувъ къ скопищу принялъ непосредственное участіе въ безпорядкахъ и оказанномъ соединенными силами скопища насильственномъ противодѣйствіи вооруженной силѣ, призванной для его разсѣянія, и 2, въ томъ, что 7-го Мая 1901 года онъ, Красулинъ, во время разсѣянія скопища, оказывая сопротивленіе городовому, конно полицейской стражи, Матвѣю Николенко, пытавшемуся его задержать, для избѣжанія поимки, съ умысломъ лишить его жизни, нанесъ Николенко три удара ножемъ въ руку, спину и бокъ, причинивъ ему двѣ раны, но по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ не успѣлъ привести своего намѣренія въ исполненіе. Особое Присутствіе находитъ, что обвиненіе подсудимаго Красулина въ первомъ изъ вышеприведенныхъ преступныхъ дѣяній положительно никакими фактическими данными не подтвердилось, почему и должно быть признано недоказаннымъ. Что же касается второго обвиненія подсудимаго Красулина, то обвиненіе это представляется, по мнѣнію Особаго Присутствія, прочно на судѣ установленнымъ.

Свидѣтель Николенко удостовѣрилъ на судѣ, что 7 Мая 1901 г. въ десятомъ часу вечера, выѣхавъ съ тремя товарищами на Станціонную улицу, чтобы удалить толпившійся еще кое-гдѣ народъ, на нихъ стали падать бросаемые изъ-за забора дома № 3-5 камни. Когда они проникли во дворъ этого дома, находившіеся тамъ люди разбѣжались, кромѣ одного, котораго онъ, Николенко, хотѣлъ задержать; онъ взялъ его за пальто, но человѣкъ этотъ сталъ упираться и въ свою очередь, схвативъ Николенко, увлекъ его въ темный корридоръ дома, гдѣ нѣсколько разъ ударилъ его чѣмъ то, такъ, что у него фуражка слетѣла съ головы и въ груди у него „дыханіе сперло“. Освободившись отъ этого „злоумышленника“, лица котораго онъ въ темнотѣ не запомнилъ, свидѣтель обнаружилъ, что лѣвая рука по выше кисти у него проколота, а на спинѣ и на боку пальто въ двухъ мѣстахъ прорѣзано, причемъ ударъ въ бокъ проникъ въ тѣло и причинилъ колотую рану, изъ которой шла кровь, такъ что свидѣтеля сейчасъ же отвели въ заводскую больницу и тамъ оказали первую медицинскую помощь. Показаніемъ же свидѣтеля Александра Зимина съ точностью установлено, что свидѣтель этотъ былъ очевидцемъ того, какъ Красу-

линъ схватилъ одного изъ городовыхъ, проникшихъ во дворъ дома № 3-5 по Станціонной улицѣ, гдѣ Зиминъ самъ проживаетъ, пытавшагося задержать Красулина, за рукавъ и потащилъ его въ корридоръ. Свидѣтель Зиминъ изъ квартиры, въ которую онъ вслѣдъ засимъ спрятался, слышалъ, какъ кто то, Красулинъ или городовой, говорилъ: „отпусти, отпусти“; когда все стихло Зиминъ вышелъ во дворъ и замѣтилъ Красулина, который жаловался нѣкоему Павлу, жившему въ ихъ домѣ, что городовой его хлестнулъ по рукѣ нагайкой и прибавилъ, что зато и онъ городового „помялъ хорошо, будетъ помнить“. Тогда же и отъ другихъ, бывшихъ на дворѣ Зиминъ слышалъ, что Красулинъ ранилъ городового ножемъ такъ, что городовой запатался, но, впрочемъ, самъ же уѣхалъ оттуда верхомъ на лошади; притомъ свидѣтель Зиминъ добавилъ, что раньше видѣлъ у Красулина кинжальчикъ въ кожанныхъ ножнахъ. Спрошенный на судѣ по ходатайству подсудимаго Красулина свидѣтель Василій Николаевъ ничего въ оправданіе подсудимаго не объяснилъ, показавъ только, что ни въ чемъ дурномъ Красулинъ замѣченъ не былъ, жилъ хорошо и зарабатывалъ много. Переходя, въ заключеніе, къ предъявленному къ подсудимому Александру Ковальскому обвиненію въ томъ, что 7 Мая 1901 г. по уговору съ другими лицами, придя къ Обуховскому сталелитейному заводу для участія въ задуманномъ насильственномъ противодѣйствіи чинамъ полиціи и воинской команды и желая проникнуть на заводъ, куда его не допускалъ сторожъ Алексѣй Курниковъ, въ запальчивости и раздраженіи, въ намѣреніи лишить его жизни, нанесъ ему ножемъ въ голову, въ шею и спину девять ранъ, но, по обстоятельствамъ отъ него независѣвшимъ, намѣренія своего выполнить не успѣлъ. Особое Присутствіе находитъ, что въ отношеніи этого обвиненія судебнымъ слѣдствіемъ установлены нижеслѣдующія фактическія данныя. Свидѣтель Алексѣй Курниковъ — сторожъ при Обуховскомъ заводѣ, удостовѣрилъ, что 7 Мая 1901 года, въ то время когда рабочіе шумѣли и кричали „ура“ во дворѣ завода, ему пришлось находиться у выходныхъ воротъ близъ установочной мастерской и вмѣстѣ съ другими сторожами, не допускать „съ воли“ тѣхъ, кто „любопытствовалъ“ проникнуть внутрь двора. Въ числѣ этихъ любопытныхъ были какіе то мальчишки и неизвѣстный свидѣтелю человѣкъ, въ которомъ онъ впослѣдствіи безошибочно призналъ подсудимаго Ковальскаго. Свидѣтель не допустилъ его, какъ и другихъ, въ калитку; онъ было отошелъ, но только что свидѣтель отвернулся, какъ человѣкъ этотъ быстро наскочилъ на него и ударилъ нѣсколько разъ въ голову и плечи, повидимому ножемъ. Отъ нанесенныхъ свидѣтелю Курникову ранъ, онъ сейчасъ же обезсилѣлъ и что было затѣмъ, не помнитъ. Это показаніе Курникова нашло себѣ во

всѣхъ частяхъ полное подтвержденіе въ показаніяхъ свидѣтелей, Петра Дорохова и Василія Гаврилова — тѣхъ сторожей Обуховскаго завода, которые были у воротъ вмѣстѣ съ Курниковымъ Наконецъ, свидѣтель, околоточный надзиратель Лѣсневичъ, удостовѣрилъ какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и на судѣ, что, находясь, по распоряженію пристава Сафонова, на посту близь Обуховскаго завода, онъ замѣтилъ, что у забора съ воротами и калиткой близь станочной мастерской собралось много мальчишекъ и посторонніхъ людей, которые черезъ щели забора, смотрѣли на то, что происходитъ во дворѣ. Вдругъ вся эта публика отхлынула отъ забора. Свидѣтель полагалъ, что мастеровые ломятся въ ворота, но вслѣдъ затѣмъ замѣтилъ, какъ двое между собою какъ будто борятся, пока, наконецъ, одинъ изъ нихъ не одолѣлъ противника, поваливъ его на землю и тогда онъ, на глазахъ свидѣтеля Лѣсневича, нанесъ упавшему нѣсколько ударовъ въ голову. Свидѣтель бросился къ нападавшему, но онъ, замѣтивъ приближеніе свидѣтеля, покушался было скрыться, однако же былъ имъ задержанъ и доставленъ въ заводскую контору; оказалось, что онъ нанесъ нѣсколько рѣзанныхъ ранъ сторожу при воротахъ завода. При обыскѣ въ конторѣ у него за голенищемъ праваго сапога, найденъ былъ уже сложенный ножъ, запачканный въ крови. Таковы всѣ фактическія данныя, добытыя судебнымъ слѣдствіемъ въ отношеніи предъявленнаго къ подсудимому Ковальскому обвиненія. Изъ содержанія ихъ, по мнѣнію Особаго Присутствія, нельзя не прійти къ тому заключенію, что обвиненіе подсудимаго Ковальскаго въ томъ, что онъ пришелъ 7 Мая 1901 г. къ Обуховскому заводу, по уговору съ другими лицами, для участія въ задуманномъ насильственномъ противодѣйствіи чинамъ полиціи и воинской команды, представляется ничѣмъ не дѣлу недоказаннымъ. Вслѣдствіе сего и принимая во вниманіе 1, что показаніями свидѣтелей Курникова, Дорохова, Гаврилова и Лѣсневича подсудимый Ковальскій безусловно изобличается въ нанесеніи ножемъ ранъ сторожу Обуховского завода Курникову; 2, что ни предварительнымъ, ни судебнымъ слѣдствіями не добыто никакихъ указаній на то, чтобы подсудимый Ковальскій могъ питать злобу къ Курникову, который Ковальскаго вовсе не зналъ; 3, что посему насильственныя дѣйствія, совершенныя Ковальскимъ могутъ быть объяснены исключительно его раздраженіемъ противъ Курникова за то, что послѣдній не допустилъ его проникнуть во дворъ Обуховскаго завода, и 4, что значительное количество — девять ранъ, нанесенныхъ Ковальскимъ Курникову ножемъ въ голову и шею, свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ намѣреніи Ковальскаго лишить Курникова жизни, — Особое Присутствіе находитъ, что подсудимый Ковальскій долженъ быть признанъ виновнымъ

въ покушеніи на убійство Курникова въ запальчивости и раздраженіи. — Послѣднюю группу подсудимыхъ, преданныхъ суду по настоящему дѣлу, составляютъ подсудимые, противъ которыхъ судебнымъ слѣдствіемъ не добыто достаточныхъ данныхъ для признанія ихъ виновными въ предъявленномъ къ нимъ обвиненіи. Къ числу этихъ подсудимыхъ должны быть отнесены: Григорій Емельяновъ, Николай Семеновъ, Михаилъ Пошехоновъ, Иванъ Николаевъ (онъ-же Ивановъ), Дмитрій Петровъ, Адександръ Даувальтеръ, Дмитрій Саженниковъ и Андрей Чирковъ. — Обсуждая улики, добытыя судебнымъ слѣдствіемъ въ отношеніи каждаго изъ вышеименованныхъ подсудимыхъ въ отдѣльности, которыя, по мнѣнію Особаго Присутствія, не могутъ быть признаны достаточными для обвиненія этихъ подсудимыхъ, — Особое Присутствіе находитъ, что: 1. Григорій Емельяновъ не можетъ быть признанъ виновнымъ въ предъявленномъ къ нему обвиненіи потому, что свидѣтель Чугуновъ, указывая на предварительномъ слѣдствіи на участіе Емельянова въ вышеописанномъ преступномъ скопищѣ въ качествѣ руководителя такового, на судѣ не могъ однако-же съ точностью этого удостовѣрить, ссылаясь на то, что ему вообще трудно было запомнить всѣхъ участвовавшихъ тогда въ безпорядкахъ лицъ, а между тѣмъ свидѣтели Феодоръ Петялинъ и Марія Будзинская, показаніямъ которыхъ Особое Присутствіе не имѣетъ основанія не довѣрять, объяснили на судѣ, что подсудимый Емельяновъ, — человѣкъ совершенно больной, съ трудомъ подымающійся на лѣстницу, — во время безпорядковъ никуда изъ дома не отлучался, при чемъ они видѣли его въ это время, вмѣстѣ съ женою и дѣтьми, совершенно спокойнымъ во дворѣ дома, въ которомъ онъ живетъ. 2. Николай Семеновъ изобличался на предварительномъ слѣдствіи показаніемъ одного только свидѣтеля Степаненко, который на судѣ, по прочтеніи ему показанія, даннаго на предварительномъ слѣдствіи, категорически заявилъ, что подсудимаго Семенова въ качествѣ участника въ безпорядкахъ 7 Мая 1901 года онъ, Степаненко, припомнить не можетъ, а спрошенный по ходатайству подсудимаго свидѣтель Илья Хрущевъ, показаніе котораго ни въ чемъ на судѣ опровергнуто не было, объяснилъ, что услыхавъ, что убили человѣка пошелъ, вмѣстѣ съ подсудимымъ его посмотрѣть, а въ это время ихъ забрали. 3. Михаилъ Пошехоновъ изобличался на предварительномъ слѣдствіи показаніемъ одного только свидѣтеля Максимова, не удостовѣрившаго однакоже на Судѣ, чтобы онъ видѣлъ подсудимаго въ качествѣ участника въ безпорядкахъ 7 Мая 1901 года, въ чемъ либо проявлявшаго свое участіе, а замѣтилъ подсудимаго лишь въ толпѣ, изъ которой бросали камни. При этомъ Особое Присутствіе не можетъ не принять во вниманіе показаніе на судѣ свидѣтельницы Анисьи

Петровой, хорошо знающей подсудимаго, что онъ человѣкъ совсѣмъ тихій, „даже мухи не убьетъ“. 4. Иванъ Николаевъ (онъ-же Ивановъ) уличался показаніями свидѣтелей Щипарева и Чугунова, показанія которыхъ по отношенію къ этому подсудимому, по мнѣнію Особаго Присутствія, не могутъ быть признаны достаточно убѣдительными для признанія виновности подсудимаго доказанною. Показанія эти сводятся лишь къ тому, что подсудимый Николаевъ находился во дворѣ флигелей карточной фабрики, откуда бросали камнями въ полицію. Имѣя въ виду, что изъ-за забора этихъ флигелей трудно было съ надлежащей точностью опредѣлить, кто именно бросалъ въ полицію камнями, — Особое Присутствіе находитъ, что свидѣтели Щипаревъ и Чугуновъ легко могли ошибиться въ признаніи подсудимаго Николаева тѣмъ болѣе, что по удостовѣренію на судѣ свидѣтельницъ Устиньи Николаевой, Вѣры Ивановой и Анны Андреевой, не довѣрять правдивости показаній коихъ Особое Присутствіе не имѣетъ основаній, подсудимый Николаевъ во время безпорядковъ находился дома и никуда не отлучался. 5. Дмитрій Петровъ. — Въ отношеніи этого подсудимаго также не установлено на судѣ достаточныхъ данныхъ для признанія его виновнымъ, такъ какъ по дѣлу противъ него имѣются тѣ-же улики: показаніе свидѣтеля Чугунова, однородное съ тѣмъ, которое дано имъ о подсудимомъ Николаевѣ и показаніе свидѣтеля Максимова, что подсудимый Петровъ находился въ толпѣ, изъ которой бросали камнями въ полицію. Независимо отъ сего спрошенные на судѣ по ходатайству подсудимаго свидѣтельницы Наталья и Анисья Петровы, показаніямъ которыхъ Особое Присутствіе не имѣетъ основанія не довѣрять, удостовѣрили, что подсудимый былъ все время дома, былъ выпивши и съ обѣда спалъ. 6. Александръ Даувальтеръ, къ обвиненію котораго послужили тѣ же, недостаточно опредѣленныя показанія свидѣтелей Максимова и Чугунова, равнымъ образомъ, по мнѣнію Особаго Присутствія, не можетъ быть признанъ виновнымъ въ приписываемомъ ему преступленіи, тѣмъ болѣе, что вполнѣ достовѣрнымъ и со стороны обвиненія ни въ чемъ не опровергнутымъ показаніемъ свидѣтеля Ивана Глѣбина на судѣ установлено, что подсудимый Даувальтеръ, во время безпорядковъ 7 Мая 1901 года, приходилъ къ Глѣбову за полученіемъ денегъ за изготовленныя имъ рамки, пробылъ у него полтора часа, а затѣмъ до 10 ч. вечера просидѣлъ вмѣстѣ съ свидѣтелемъ въ трактирѣ.

7. Дмитрій Саженниковъ, не можетъ быть признанъ, по мнѣнію Особаго Присутствія, виновнымъ потому, что кромѣ изобличавшаго его показанія свидѣтеля Чугунова, заявившаго однако же на судѣ, что ему трудно припомнить всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ безпорядкахъ 7 Мая 1901 года, никакихъ другихъ дан-

ныхъ къ обвиненію подсудимаго Саженникова на судебномъ слѣдствіи не установлено.

и 8. Андрей Чирковъ, противъ котораго судебнымъ слѣдствіемъ также не добыто достаточно точныхъ данныхъ для признанія его виновнымъ, — изобличался показаніями Максимова и Чугунова, видѣвшихъ его не въ качествѣ активнаго участника въ безпорядкахъ 7 Мая, а лишь въ толпѣ, изъ которой бросали въ полицію камнями. Показанія эти, Особое Присутствіе не можетъ однако же признать вполнѣ достовѣрными, какъ въ виду возможной со стороны этихъ свидѣтелей ошибки, такъ и въ виду ни въ чемъ неопровергнутаго на судѣ показанія свидѣтельницы Евгеніи Гутъ, что она видѣла Андрея Чиркова 7 Мая дома и что вообще онъ никогда ни съ кѣмъ изъ мастеровыхъ знакомства не водилъ. По всѣмъ вышеприведеннымъ соображеніямъ Особое Присутствіе находитъ, что подсудимые: Григорій Емельяновъ, Николай Васильевъ Семеновъ, Михаилъ Петровъ Пошехоновъ, Иванъ Николаевъ (онъ же Ивановъ), Дмитрій Игнатьевъ Петровъ, Александръ Александровъ Даувальтеръ, Дмитрій Васильевъ Саженниковъ и Андрей Ивановъ Чирковъ, — на основаніи 1 п. 771 ст. уст. угол. суд. должны быть признаны по обвиненію ихъ въ приписываемомъ имъ преступномъ дѣяніи по суду оправданными.

Преступное дѣяніе въ коемъ, на основаніи установленныхъ выше фактическихъ данныхъ, признаны виновными подсудимые: Анатолій Ермаковъ, Анатолій Гавриловъ, Константинъ Стефанъ, Ефремъ Дахинъ, Иванъ Соловьевъ (онъ же Яблочкинъ) и Константинъ Мѣдяпцевъ предусмотрѣно 2 и 4 ч. 269 ст. улож. о наказ; преступное дѣяніе, въ коемъ признаны виновными: Александръ Александровъ, Александръ Зайцевъ, Александръ Калининъ, Захаръ Анисимовъ (онъ же Андреевъ) Павелъ Константиновъ, Дмитрій Ситниковъ, Василій Багровъ, Николай Чирковъ, Виталій Соколовъ, Александръ Щербаковъ, Александръ Тарасовъ, Александръ Богдановъ, Семенъ Машистовъ, Михаилъ Кирилловъ, Тимофей Завалишинъ, Дмитрій Кокушкинъ, Михаилъ Федоровъ, Дмитрій Вересовъ, Евдокимъ Трушинъ, Марфа Яковлева и Лидія Бурчевская, — предусмотрѣно 2 ч. 269 ст. улож. о наказ. и преступленія, въ совершеніи коихъ изобличены Афанасій Красулинъ и Александръ Ковальскій, первое: 9 и 2 ч. 1459 ст. улож. о наказ. и второе — 9 и 2 ч. 1455 ст. того же уложенія.

Обращаясь вслѣдствіе сего къ опредѣленію слѣдующаго подсудимымъ на основаніи вышеприведенныхъ законовъ наказанія, Особое Присутствіе находитъ, что изъ числа указанныхъ въ 2 ч. 269 ст. улож. о нак., предусмотрѣнныхъ 6 и 7 степ. 19 ст. улож. о нак., согласно 149 ст. улож. о нак. по обстоятельствамъ настоящаго дѣла, заключавшимся въ томъ, что судебнымъ слѣдствіемъ

не доказано предварительное между подсудимыми соглашеніе, а равно не установлено, чтобы во время насильственнаго противодѣйствія вооруженнымъ отрядамъ полиціи и воинской команды, призваннымъ для разсѣянія образовавшагося 7 Мая 1901 года скопища, были бы произведены въ полицію и команду выстрѣлы изъ огнестрѣльнаго оружія, — представляется справедливымъ избрать для всѣхъ подсудимыхъ, кромѣ Красулина и Ковальскаго, нормальнымъ наказаніемъ,— наказаніе по 7 степени 19 ст. улож. о нак., причемъ Особое Присутствіе не усматриваетъ основаній къ увеличенію въ степени наказанія всѣмъ тѣмъ подсудимымъ, которые, согласно 4 ч. 269 ст. улож. о нак. признаны руководителями скопища 7 Мая 1901 года при учиненіи имъ насильственнаго противодѣйствія вооруженной силѣ.

Такимъ образомъ I. Подсудимые Анатолій Ермаковъ, 22 лѣтъ, и Анатолій Ивановъ Гавриловъ, 32 лѣтъ, подлежатъ, на основаніи 2 и 4 ч. 269 и 149 по 7 степени 19 ст. улож. о нак. лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы, какъ лица, болѣе всѣхъ другихъ выдававшіеся своей преступной дѣятельностью и притомъ: Ермаковъ — срокомъ на пять лѣтъ, а Гавриловъ на шесть лѣтъ, съ послѣдствіями по 25 ст. улож. о нак. II. Подсудимые: Константинъ Ивановъ Стефанъ, 36 лѣтъ, Ефремъ Степановъ Дахинъ, 30 лѣтъ. и Иванъ Ильинъ Соловьевъ (онъ же Яблочкинъ), 24 лѣтъ, подлежатъ наказанію на основаніи 2 и 4 ч. 269 и 149 ст. улож. о нак. по 7 степ. 19 ст. улож., имѣя же въ виду, что вмѣняемое имъ въ вину преступленіе учинено ими по крайнему легкомыслію, — Особое Присутствіе признаетъ справедливымъ, согласно 134 и 135 ст. улож. о нак., уменьшить имъ это наказаніе на двѣ степени, назначивъ таковое на основаніи закона 10 Іюня 1900 года (отд. II, л. А) по послѣдней части 2 ст. временныхъ правилъ въ высшей мѣрѣ т. е. лишивъ ихъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ имъ, правъ и преимуществъ отдать въ исправительныя арестантскія отдѣленія каждаго срокомъ на пять лѣтъ, съ замѣною, въ случаѣ надобности, по 77 ст. улож. о нак. и съ послѣдствіями по ст. 4 и 5, III отд. л. А закона 10 Іюня 1900 года. III. Подсудимый Константинъ Ивановъ Мѣдянцевъ, 18 лѣтъ, на основаніи 2 и 4 ч. 269^{2}. 149 ст. улож. о нак., подлежитъ наказанію по 7 ст. 19 ст. улож. о нак. Въ виду же учиненія имъ этого преступленія по крайнему легкомыслію, представляется справедливымъ уменьшить Мѣдянцеву слѣдуемое ему по 7 ст. 19 ст. улож., наказаніе на двѣ степени, назначивъ таковое, согласно закона 10 Іюня 1900 года (отд. II. лит. А) по послѣдней части 2 ст. временныхъ правилъ этого закона о замѣнѣ ссылки, причемъ, согласно 140 ст. улож. о нак., въ виду несовершеннолѣтія Мѣдянцева, уменьшить ему это наказаніе на одну

степень, назначивъ таковое въ окончательномъ выводѣ по 1 степени 31 ст. улож. о нак., т. е. заключить его въ тюрьму безъ лишенія правъ и безъ послѣдствій, указанныхъ въ 3 и 4 ст. III отд. закона 10 Іюня 1900 года, срокомъ на четыре года. IV. Подсудимые: Александръ Александровъ, 22 лѣтъ, Александръ Андреевъ Зайцевъ, 25 лѣтъ, Александръ Савельевъ Калининъ, 30 лѣтъ, Захаръ Анисимовъ (онъ же Андреевъ) 26 лѣтъ, Павелъ Александровъ Константиновъ, 27 лѣтъ, Дмитрій Михайловъ Ситниковъ, 26 лѣтъ, Василій Моисеевъ Багровъ, 28 лѣтъ, Николай Ивановъ Чирковъ, 21 года, Виталій Ефремовъ Соколовъ, 25 лѣтъ, Александръ Ивановъ Щербаковъ, 24 лѣтъ, Александръ Степановъ Тарасовъ, 23 лѣтъ, Александръ Елисѣевъ Богдановъ, 25 лѣтъ, Семенъ Петровъ Машистовъ, 22 лѣтъ, Михаилъ Евдокимовъ Кирилловъ, 22 лѣтъ и Тимофей Степановъ Завалишинъ, 29 лѣтъ, подлежатъ всѣ, на основаніи 2 ч. 269[illegible] и 149 ст. улож. наказанію по 7 степени 19 ст. улож. Имѣя засимъ въ виду крайнее легкомысліе и невѣжество названныхъ подсудимыхъ при учиненіи совершеннаго ими преступнаго дѣянія, — Особое Присутствіе признаетъ справедливымъ понизить имъ это наказаніе, согласно 134 и 135 ст. улож. о нак. на двѣ степени, назначивъ таковое на основаніи закона 10 Іюня 1900 года (отд. II. лит. А) и 2 ст. временныхъ правилъ о замѣнѣ ссылки и притомъ въ низшей мѣрѣ, т. е. лишивъ ихъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ имъ правъ и преимуществъ, — отдать ихъ въ исправительныя арестантскія отдѣленія срокомъ на четыре года каждаго, съ замѣною, въ случаѣ надобности по 77 ст. улож. о нак. и съ послѣдствіями по ст. 4 и 5 III отд. лит. А закона 10 Іюня 1900 года. V. Подсудимые: Дмитрій Карповъ Кокушкинъ, 19 лѣтъ, Михаилъ Дмитріевъ Федоровъ, 18 лѣтъ, Дмитрій Никитинъ Вересовъ, 20 лѣтъ, Евдокимъ Григорьевъ Трушинъ, 18 лѣтъ, и Лидія Кириллова Бурчевская, 18 лѣтъ, подлежатъ, на основаніи 2 ч. 269 и 149 ст. улож. о наказ. наказанію по 7 ст. 19 ст. улож. о нак. Принявъ засимъ во вниманіе крайнее легкомысліе и невѣжество вышеупомянутыхъ подсудимыхъ, — Особое Присутствіе находитъ справедливымъ, согласно 134 и 135 ст. улож. о нак., уменьшить всѣмъ имъ это наказаніе на двѣ степени, назначивъ таковое на основаніи закона 10 Іюня 1900 года, по 2-й степени временныхъ правилъ о замѣнѣ ссылки, въ низшей мѣрѣ; въ виду несовершеннолѣтія этихъ подсудимыхъ во время учиненія ими вмѣняемаго имъ въ вину преступленія, надлежитъ уменьшить имъ это послѣднее наказаніе, согласно 140 ст. улож. о нак. на двѣ степени, а въ виду того, что Особое Присутствіе признало по настоящему дѣлу доказаннымъ, что подсудимые эти, будучи несовершеннолѣтними, вовлечены въ преступленіе лицами совершеннолѣтними, — представляется справедли-

вымъ, согласно 143 ст. улож. о нак. уменьшить, слѣдуемое имъ по 2 степени 31 ст. улож. наказаніе еще на двѣ степени, назначивъ таковое, въ окончательномъ выводѣ по 4 ст. 31 ст. улож. о нак. и притомъ въ низшей мѣрѣ, а именно: заключить всѣхъ ихъ въ тюрьму, безъ лишенія правъ и безъ послѣдствій, указанныхъ въ 3 и 4 ст. III отд. закона 10 Іюня 1900 года, срокомъ на одинъ годъ и шесть мѣсяцевъ каждаго. VI. Подсудимая Марфа Яковлева, 18 лѣтъ, подлежитъ, на основаніи 2 ч. 269 и 149 ст. улож. о нак., наказанію по 7 степени 19 ст. улож. Принимая во вниманіе крайнее ея легкомысліе, — Особое Присутствіе, согласно 134 и 132 ст. улож. о нак. находитъ возможнымъ уменьшить Яковлевой это наказаніе за силою закона 10 Іюня 1900 года (отд. II. лит. А) на двѣ степени, назначивъ таковое по послѣдней части 2 ст. времен. правилъ о замѣнѣ ссылки въ низшей мѣрѣ, а засимъ и это послѣднее наказаніе, въ виду несовершеннолѣтія Яковлевой, согласно 140 ст. улож. о нак. уменьшить ей на двѣ степени, назначивъ таковое въ окончательномъ выводѣ, по 2 степени 31 ст. улож. о нак., въ низшей мѣрѣ, а именно: заключить ее въ тюрьму безъ лишенія правъ и безъ послѣдствій, указанныхъ въ 3 и 4 ст. III отд. закона 10 Іюня 1900 года срокомъ на три года.

VII. Подсудимый Афанасій Никитинъ Красулинъ, 35 лѣтъ, признанъ виновнымъ въ покушеніи на преступленіе, предусмотрѣнное 2 ч. 1459 ст. улож., караемое 2 ст. 19 ст. улож. о нак. Руководствуясь указаніемъ 114 ст. улож. о нак., Особое Присутствіе, по обстоятельствамъ настоящаго дѣла, признаетъ возможнымъ опредѣлить подсудимому Красулину это наказаніе на четыре степени ниже наказанія, постановленнаго за совершеніе преступленія, предусмотрѣннаго 2 ч. 1459 ст. улож. о нак., т. е. избрать ему наказаніе по 6 степ. 19 ст. улож. о нак., а засимъ въ виду крайняго невѣжества подсудимаго, согласно 134 и 135 ст. улож. о нак., понизить ему это послѣднее наказаніе еще на двѣ степени, назначивъ таковое согласно закона 10 Іюня 1900 года (отд. II. лит. А) по первой части 2 ст. временныхъ правилъ о замѣнѣ ссылки, въ низшей мѣрѣ, а именно: лишивъ его всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему, правъ и преимуществъ, отдать его въ исправительныя арестантскія отдѣленія срокомъ на пять лѣтъ, съ замѣною, въ случаѣ надобности, по 77 ст. улож. о нак. и съ послѣдствіями по ст. 4 и 5, III отд. лит. А закона 10 Іюня 1900 года. —

VIII. Подсудимый Александръ Михайловъ Ковальскій, 26 лѣтъ, признанъ виновнымъ въ покушеніи на преступленіе, предусмотрѣнное 2 ч. 1455 ст. улож. о нак. Избирая для подсудимаго Ковальскаго одно изъ наказаній, упомянутыхъ въ этой статьѣ закона, — Особое Присутствіе, по обстоятельствамъ дѣла, согласно 149

ст. улож. о нак., признаетъ справедливымъ избрать таковымъ наказаніе по 7 ст. 19 ст. улож., а засимъ въ виду того, что подсудимый Ковальскій признанъ виновнымъ лишь въ покушеніи, за силою 114 ст. улож. о нак. понизить указанное въ 7 ст. 19 ст. улож. о нак. наказаніе на двѣ степени, назначивъ его, согласно закона 10 Іюня 1900 года (отд. II. лит. А), по второй части 2-й ст. временныхъ правилъ о замѣнѣ ссылки и притомъ въ низшей мѣрѣ а именно: лишивъ подсудимаго Ковальскаго всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, отдать его въ исправительныя арестантскія отдѣленія срокомъ на четыре года, съ замѣною, въ случаѣ надобности по 77 ст. улож. о нак. и съ послѣдствіями по ст. 4 и 5, III отд. лит. А закона 10-го Іюня 1900 года.

IX. Судебныя по настоящему дѣлу издержки должны быть возложены на осужденныхъ по ровну, съ круговою ихъ другъ за друга отвѣтственностью, а въ случаѣ ихъ несостоятельности, — таковыя надлежитъ принять на счетъ казны. X. Вещественныя по настоящему дѣлу доказательства: фуражка, шляпа, шашка и винтовка, — должны быть возвращены по принадлежности, а ножъ, воззванія и бумажки — подлежатъ уничтоженію и XI, Приговоръ сей, на основаніи 1 п. 945 ст. уст. угол. суд. по вступленіи его въ законную силу, прежде обращенія къ исполненію, надлежитъ представить въ отношеніи осужденнаго запаснаго рядоваго изъ дворянъ Анатолія Иванова Гаврилова чрезъ Министра Юстиціи, на усмотрѣніе ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Вслѣдствіе сего Особое Присутствіе С. Петербургской Судебной Палаты ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: на основаніи 3 п. 771 ст. уст. угол. суд.: I. подсудимыхъ Анатолія Иванова Ермакова, 22 лѣтъ, и Анатолія Иванова Гаврилова, 32 лѣтъ, на основаніи 2 и 4 ч. 269. 149. 7 ст. 19 ст. улож. о нак., лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы: перваго срокомъ на пять лѣтъ, а второго — на шесть лѣтъ, съ послѣдствіями по 25 ст. ул. о нак.; II. — подсудимыхъ: Константина Иванова Стефана, 36 лѣтъ, Ефрема Степанова Дахина, 30 лѣтъ, Ивана Ильина Соловьева (онъ же Яблочкинъ), 24 лѣтъ, Александра Александрова, 22 лѣтъ, Александра Андреева Зайцева, 25 лѣтъ, Александра Савельева Калинина, 30 лѣтъ, Захара Анисимова (онъ же Андреевъ), 26 лѣтъ, Павла Александрова Константинова, 27 лѣтъ, Дмитрія Михайлова Ситникова, 26 лѣтъ, Василія Моисеева Багрова, 28 лѣтъ, Николая Иванова Чиркова, 21 года, Виталія Ефремова Соколова, 25 лѣтъ, Александра Иванова Щербакова, 24 лѣтъ, Александра Степанова Тарасова, 23 лѣтъ, Александра Елисѣева Богданова, 25 лѣтъ, Семена Петрова Машистова, 22 лѣтъ, Михаила Евдокимова Кирил-

лова, 22 лѣтъ и Тимофея Степанова Завалишина, 29 лѣтъ, на основаніи 2 и 4 ч. 269, 149, 7 степ. 19, 134 и 135 ст. улож. о нак., закона 10 Іюня 1900 года (отд. II, лит. А) и 2 ст. временныхъ правилъ о замѣнѣ ссылки; подсудимаго Аѳанасія Никитина Красулина, 35 лѣтъ, на основаніи 9, 2 ч. 1459, 2 ст. 19, 114, 6 степ. 19, 133 и 135 ст. улож. о наказ. и закона 10 Іюня 1900 года, и подсудимаго Александра Михайлова Ковальскаго, 26 лѣтъ, на основаніи 9, 2 ч. 1455, 140, 7 степ. 19 и 114 ст. улож. о нак. и закона 10 Іюня 1900 года, лишивъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, отдать въ исправительныя арестантскія отдѣленія: Стефана, Дахина и Соловьева — срокомъ на пять лѣтъ каждаго, а всѣхъ остальныхъ — срокомъ на четыре года каждаго, съ замѣною, въ случаѣ надобности, по 77 ст. улож. о нак. и съ послѣдствіями по ст. 4 и 5, III отд. лит. А закона 10 Іюня 1900 года; III. подсудимыхъ: Константина Иванова Мѣдянцева, 18 лѣтъ, Дмитрія Карпова Кокушкина, 19 лѣтъ, Михаила Дмитріева Федорова, 18 лѣтъ, Дмитрія Никитина Вересова, 20 лѣтъ, Евдокима Григорьева Трушина, 18 лѣтъ, Лидію Кириллову Бурчевскую, 18 лѣтъ и Марфу Яковлеву Яковлеву, 18 лѣтъ, на основаніи 2 и 4 ч. 269, 149, 7 степ 19, 134 и 135 ст. улож. о нак., закона 10 Іюня 1900 года, 140 и 1 и 2 степ. 31 ст. улож. о нак. въ отношеніи Мѣдянцева и Яковлевой: 143 и 4 степ. 31 ст. улож. о нак. въ отношеніи остальныхъ, заключить въ тюрьму безъ лишенія правъ и безъ послѣдствій, указанныхъ въ 3 и 4 ст. III отд. закона 10 Іюня 1900 года: Мѣдянцева — на четыре года, Яковлеву — на три года, а остальныхъ на одинъ годъ и шесть мѣсяцевъ каждаго; IV. подсудимыхъ Григорія Емельянова, Николая Васильева Семенова, Михаила Петрова Пошехонова, Ивана Николаева (онъ же Ивановъ), Дмитрія Игнатьева Петрова, Александра Александрова Даувальтера, Дмитрія Васильева Сахенникова, и Андрея Иванова Чиркова, на основаніи 1 п. 771 ст. уст. угол. суд. признать по суду оправданными; V. судебныя по дѣлу издержки возложить на осужденныхъ по ровну съ круговою ихъ другъ за друга отвѣтственностью, а въ случаѣ ихъ несостоятельности — принять на счетъ казны; VI. вещественныя доказательства: фуражку, шляпу, шашку и винтовку — возвратить по принадлежности, а ножъ, воззванія и бумажки уничтожить, и VII. — приговоръ сей, на основаніи 1 п. 945 ст. уст. угол. суд., по вступленіи его въ законную силу, прежде обращенія къ исполненію, представить въ отношеніи осужденнаго запаснаго рядоваго изъ дворянъ Анатолія Иванова Гаврилова, черезъ Министра Юстиціи, на усмотрѣніе ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА. Подлинный за надлежащими подписями и скрѣпою

Вѣрно: Ис. Секретаря П. Домерщиковъ.

Продается:

Соціалъ-Демократическій Календарь на 1902 г.
Цѣна: 2. ф. 50 сант.

ЦѢНА: 60 САНТ.

Главный складъ изданій группы „Борьба“:
Librairie G. Jacques et C-ie, 1. Rue Casimir Delavigne
Paris, VI.

Адресъ для корреспонденцій (*только изъ-за границы*):
1) Monsieur Emile Buré
10, Rue Monsieur-le-Prince,
Paris, VI-e.
2) Monsieur Souschinsky,
22, rue des Usines, Acacias, Genéve.

На *внутреннихъ* конвертахъ слѣдуетъ надписывать:
для редакціи организаціи „Борьба“.